

«Роза» Исфахана

Автор:

Михель Гавен

«Роза» Исфахана

Михель Гавен

Секретный фарватер (Вече)

2000-е годы. Иран. В районе города Исфахан происходит землетрясение с большими разрушениями и жертвами. Понимая, что собственными силами не справиться, иранские власти вынуждены обратиться за помощью к международной общественности. Красный Крест высылает в Исфахан группу сотрудников с необходимым оборудованием. А израильская и американская разведки стремятся внедрить в эту группу агента, так как, по их данным, недалеко от Исфахана у иранцев имеется секретный объект с кодовым названием «Роза». Судя по всему, при землетрясении объект пострадал, хотя иранцы умалчивают об этом. И не случайно. По оперативным данным на объекте «Роза» производят обогащение урана до величин, применимых в создании ядерного оружия.

Американцам удастся настоять, чтобы группу Красного Креста возглавила опытный врач, уроженка Ирака, воспитанная во Франции. Под ее именем в Исфахан отправляется майор медицинского корпуса США Джин Роджерс...

Михель Гавен

«Роза» Исфахана

© ООО «Издательство «Вече», 2013

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

1

* * *

– Ханум, там под руинами кто-то стонет, – сержант корпуса стражей исламской революции подбежал к Джин, утираясь рукавом и размазывая по лбу черную гарь.

– На восьмой день после землетрясения?! – удивленно распахнула глаза Джин и повернулась к капитану Лахути: – Если кто-то действительно уцелел, тогда это просто чудо, слава Аллаху. Надо срочно проверить.

– Сержант, возьмите людей и проверьте, – распорядился капитан. – И пошевеливайтесь.

– Слушаюсь, господин. – Сержант козырнул и побежал к своей группе.

В сопровождении солдат несколько спасателей направились к руинам дома. Потом один из них спустился в лаз. Несколько минут он отсутствовал, и все напряженно ждали его возвращения. Наконец спасатель, высунувшись из лаза по пояс, что-то быстро сказал сержанту, и тот снова подбежал к Джин и Лахути.

– Там женщина, – сообщил он. – Находится на глубине более трех метров. Одна её нога придавлена ниже колена плитой...

– Это плохо, – нахмурилась и помрачнела Джин. – Очень плохо. Синдром сдавливания. Трогать женщину сейчас нельзя.

– Нельзя?! – озадаченно повернулся к ней Лахути.

– Нельзя, – подтвердила она. – Если рука или нога человека придавлены тяжестью, некроз развивается очень быстро, и ткани отмирают. Остановить этот процесс можно только в течение двух первых часов, да и то лишь при условии восстановления кровообращения, а в нашем случае прошло уже восемь суток. Нога женщины давно уже разлагается, превращаясь в мертвую часть живого тела. – Джин прикусила губу.

– Но мы же не можем оставить её умирать под руинами?! – воскликнул Лахути.

– Не можем. Надо что-то придумать, – Джин сосредоточенно потерла пальцами лоб. – Если женщину извлечь из-под плиты с разлагающейся ногой, кровь под давлением сердца попадет в мертвые ткани и тут же разнесет яд по всему организму. Наступит мгновенный токсический шок, у женщины сразу откажут почки, и она умрет.

– Ампутация? – догадался Лахути.

– Но для этого женщину надо поднять на поверхность, – возразил доктор Нассири. – Ампутировать конечность на весу невозможно! Замкнутый круг какой-то получается... – он растерянно посмотрел на Джин.

Не ответив, та повернулась к сержанту:

– Сколько вам потребуется времени, чтобы разгрести завал?

– Не меньше суток, ханум, – ответил тот. – Женщина зажата между двумя массивными плитами...

– Другими словами, «бутерброд». – Плотно сжав губы и уставившись в землю, Джин с минуту помолчала. Потом резко вскинула голову и объявила: – Будем делать ампутацию на месте! Иного выхода я не вижу.

– Ампутация под землей?! – Нассири, смуглолицый седовласый перс, от неожиданности и недоумения даже вздернул очки на лоб. – Но как вы себе это представляете, коллега? Там, внизу, просто невозможно будет воспользоваться

ампутационными ножом и пилой!..

– Вы правы, коллега, – перевела на него взгляд Джин. – Поэтому прибегнем к нецивилизованному методу: заменим их обычной рабочей ножовкой. – Доктор Нассири чуть не уронил очки на землю. – Да, да, – подтвердила она, – вы не ослышались, коллега. Заражения мы можем не бояться, ибо его там уже и так предостаточно. Но пока человек жив, мы обязаны бороться за него всеми возможными способами.

– Я понимаю, – произнес Нассири растерянно, – но кто же будет... пилить?

– Я, – спокойно ответила Джин и по тому, как Нассири снова водрузил очки на нос и облегченно вздохнул, догадалась, что её ответ вполне его устроил. Повернулась к сестре: – Марьям, приготовьте два шприц-тюбика с обезболивающим и пару жгутов. А вы, – кивнула стоявшему за спиной сержанта спасателю, – объясните мне, как быстрее добраться до жертвы...

– Вы уверены, что справитесь, Аматула? – с сомнением осведомился у нее Лахути.

Джин поняла, что он имеет в виду. В Иране, теократическом исламском государстве с его немыслимыми нормами одежды для женщин, ползать по расселинам в длинной, чуть не до пят, тунике и с замотанной платком головой, было действительно крайне затруднительно. В отличие, например, от тех же Ирака и Сомали, где она, действуя от лица американской армии, могла себе позволить для подобных мероприятий более удобную полевую форму. Здесь же, к сожалению, исключений не делалось ни для кого. В том числе и для представителей европейских и американских организаций, а она работала тут под прикрытием исламской легенды. Так что приходилось подчиняться правилам Ирана и соответствовать им.

– Уверена. – Джин бросила быстрый взгляд на Лахути и повернулась к сестре: – Марьям, у вас всё готово?

– Да, госпожа, – протянула ей та шприцы и жгуты.

– Ведите, – сказала Джин спасателю и решительно направилась к руинам дома.

Нассири и Лахути последовали за ними. Возле лаза солдаты вручили Джин каску, и она надела её прямо на хиджаб. Потом приказала спасателям:

– Приготовьте ножовку! – Увидев их удивленные лица, терпеливо пояснила: – Да, да, ту самую, которой пилите арматуру. Принесите также канистру со спиртом и чистую простыню. Проводите меня, – кивнула спутнику, – покажите нужный проход.

Щель оказалась довольно узкой. Пока Джин спускалась внутрь, спасатель двигался следом, держа пакет со шприцами и жгуты. Достигнув дна, Джин прижала тунику и приняла максимально удобное горизонтальное положение: далее предстояло ползти на боку, опираясь о землю только одной рукой. Свободную руку протянула к спасателю:

– Давайте. – Взяв пакет, распорядилась: – Далеко не уходите, я скоро вернусь. Сейчас просто сделаю нужные уколы, а потом будем ждать, когда лекарство подействует.

Джин начала осторожно продвигаться внутрь. Каменная пыль набивалась в глаза и рот. Рвотно-сладкий запах разлагающегося тела почувствовала сразу. Этот запах был знаком Джин давно, просто впервые в жизни она столкнулась с ситуацией, когда им был пропитан целый горный поселок. Здесь, в разрушенном землетрясением селении к северо-востоку от Исфахана, живых практически не осталось. Тех, кто уцелел, сразу же вывезли, поэтому теперь среди руин покоились лишь трупы – их не успевали вывозить и хоронить. Кроме трупов в поселке оставались только врачи и солдаты.

Через несколько минут Джин приблизилась к зажатой плитами женщине, прикоснулась к её изуродованной ноге. Женщина чуть слышно простонала. «Значит, чувствительность не утрачена», – отметила мысленно Джин. Говорить здесь было опасно – пыль могла набиться в бронхи, поэтому она прикрыла рот краем хиджаба и тихо произнесла на фарси:

– Не волнуйтесь, мы вас отсюда вытащим. Уже скоро.

Женщина сдавленно всхлипнула, и Джин поняла, что её слова вселили в сердце несчастной надежду. Ради этого стоило рискнуть и провести операцию под землей.

Джин ввела лекарство и туго перевязала ногу женщины жгутами. «Вот теперь изъясняюсь еще и на фарси, – подумала, отползая. – Спасибо тете Джилл. Наверное, нет на свете такого языка, который тетя Джилл не смогла бы выучить за короткий срок сама и не обучить ему других. Бабушка была права, когда говорила, что у нее лингвистический талант...»

Стоило Джин показаться над расселиной, как спасатели подхватили её под руки и ловко вытянули вверх.

– Через три, – Джин посмотрела на часы, – максимум через пять минут пойду обратно. Ножовка готова?

– Так точно, госпожа, – доложил сержант. – И спирт, – он показал на канистру, – тоже.

– Облейте ножовку спиртом, заверните её в простыню и принесите мне, – распорядилась Джин. Перевела взгляд на Лахути: – Когда я закончу, вы должны быть готовы немедленно вытащить женщину из-под завалов: счет пойдет на минуты. – Повернулась к Нассири: – Подгоните санитарную машину как можно ближе.

– Конечно, конечно, – услужливо закивал тот, – не извольте волноваться, госпожа. Хотя, признаться, ничего подобного я прежде никогда не видел и...

– Мы должны рассчитывать только на успех, – отрезала Джин, перебив собеседника. – И даже в мыслях не допускать обратного. Кровопотеря, разумеется, будет большой, но тут уж, как говорится, придется положиться на волю Всевышнего. Хотя и надежда на Аллаха не дает нам права расхолаживаться, сомневаться и опускать руки.

– Согласен с вами, госпожа, – почтительно склонил голову Нассири. – Буду дежурить у машины лично. Я верю, что Аллах не оставит несчастную. – Он молитвенно сложил руки на груди.

– Мне только что сообщили имя пострадавшей, её зовут Симин Туркини, – сказал Лахути. – Другие члены семьи – отец, мать, муж и трое детей – погибли, их тела обнаружили и извлекли еще вчера. В живых остался только годовалый малыш,

причем, как ни странно, практически невредимый, – слабо улыбнулся он. – А вот теперь оказалось, что и мать еще жива...

– Тем более нам нужно за нее бороться, – резюмировала Джин. – Горечь от потери ноги и известия о гибели родных с лихвой компенсируется встречей с ребенком. – Она снова посмотрела на часы. – Всё, время вышло. Пора. – Взяла из рук сержанта ножовку, повернулась к сестре: – Марьям, подайте мне еще фонарь, а также ампутационный нож из моих инструментов. Думаю, я смогу сделать им проколы нужных тканей даже под землей.

– Вот, госпожа, возьмите, – Марьям извлекла из футляра и вручила ей требуемый инструмент.

– Мы будем молиться за вас и эту несчастную, – напутствовал её Нассири.

– Аматула, будьте осторожны, – Лахути на мгновение придержал Джин за руку.

Их глаза встретились, Джин опустила голову. Потом в сопровождении спасателей снова направилась к расселине. Ей помогли спуститься. Аккуратно держа сверток с инструментами перед собой, чтобы простыня не размоталась и на них не попала грязь, Джин стала вновь пробираться к женщине. Теперь она знала её имя.

– Симин, вы слышите меня? – окликнула Джин раненую, оказавшись на месте. Ответа не последовало. Протянув руку, она прижала палец к вене под коленом здоровой ноги женщины: кровь слабо, но все-таки пульсировала. Значит, жива. И значит, слышит её. – Симин, Аллах велик и всемогущ, – мягко проговорила Джин, – он не оставит вас. Сейчас вам будет больно, но вы должны потерпеть. Ради вашего младшего ребенка, которому вы нужны и который ждет вас. – Здоровая нога женщины в её руке слабо дернулась. – Вот и хорошо. Тогда начинаю бороться за вашу жизнь...

Вставив фонарь в трещину между плитами, Джин достала ампутационный нож и, примерившись, одним круговым движением вспорола кожу, клетчатку, мышцы – как гильотиной отсекла. На камни закапала бурая кровь. Понимая, что нельзя терять ни секунды, Джин схватилась за ножовку и, напрягшись, так же – одним сильным нажимом – перепилила кость. Слава богу, помог опыт: начинающий хирург вряд ли смог бы провести подобную операцию практически

на весу.

Женщина несколько раз тихо охнула, но и только. Отерев пот со лба, Джин отбросила ножовку и замотала обрубок ноги простыней. Она знала, что по мере ослабления действия анестезирующих лекарств боль начнет обостряться, поэтому действовала споро, но без суеты. Кровотечение меж тем усилилось, и, значит, пострадавшую требовалось как можно скорее доставить к машине «скорой помощи», чтобы ввести ей там кровозаменитель и поставить капельницу. Решив не тратить время на вызов спасателей, Джин обхватила Симин за плечи и осторожно потянула её на себя. Та опять еле слышно охнула. Откашливая набившуюся в рот пыль, Джин поползла по проходу назад, волоча за собой Симин, легкую как пушинка. Добравшись до лаза, подала сигнал спасателям, и те привычно сноровисто подняли на поверхность сначала её, а потом и пострадавшую.

– О, Аллах всемогущий! – всплеснул руками, взглянув на извлеченную из-под завалов женщину, больше походившую на серую иссохшую мумию, доктор Нассири.

– Марьям! Срочно определите группу крови, – начала отдавать приказы Джин, отряхивая пыль с рук, – приготовьте донорский материал и физраствор – у раненой сильнейшее обезвоживание. Доктор Нассири, купируйте артерии, чтобы остановить кровотечение. Но сначала отнесите её в машину. Скорее!

– Слушаюсь, госпожа.

Вокруг Симин засуетились медики. К Джин подошел капитан Лахути.

– У нее есть шансы? – кивнул он на пострадавшую.

– Всё зависит от наших дальнейших действий, – ответила Джин, поправляя платок. – Постараемся спасти. А поскольку помощь здесь требуется только ей да тому старику-сторожу, которого обнаружили в руинах школы, сосредоточимся на них двоих. Сейчас двинемся в ближайшую больницу. Что с давлением, Марьям? – повернулась она к сестре. – Пульс прослеживается?

– Очень слабый, госпожа, – отчиталась сестра. – Потеря крови – около трехсот миллилитров. Давление неуклонно снижается.

– Катетер установили?

– Да, госпожа.

– Донорский материал готов?

– Да, госпожа.

– Тогда немедленно приступаем к трансфузии.

– Хорошо, госпожа.

– Как только погрузят, сразу отъезжаем, – приказала Джин водителю, подойдя к машине вместе со спасателями, принесшими на носилках пострадавшую. – Доктор Нассири, вы с нами или остаетесь? – обернулась она к семенившему следом коллеге.

– Останусь, госпожа. Вдруг еще кого-нибудь обнаружат? Тогда понадобится моя помощь...

– А вы? – взглянула Джин на Лахути.

– Тоже останусь, – ответил он, глядя ей в лицо. – Здесь еще непочатый край работы. – И добавил вполголоса: – Но я знаю, где тебя найти.

– Да, я буду в ближайшей отсюда больнице, – так же тихо произнесла Джин. – И, пожалуйста, постарайся отыскать ребенка Симин и привезти его с собой. Уверена, что он сыграет решающую роль, когда она придет в себя.

– Я сделаю всё, что в моих силах, – пообещал капитан.

Машина тронулась. Пострадавшей ввели нужные лекарства. Кровообращение стало восстанавливаться, давление поднялось, и иссушенное, измученное лицо женщины заметно разгладилось.

– Вы думаете, она выкарабкается? – чуть слышно спросила Марьям.

– Спустя некоторое время придется делать повторную ампутацию, – ответила Джин, обрабатывая обрывки нерва новокаином, – это неизбежно. Сейчас мы всего лишь устранили возможность токсического шока, а некроз тканей, к сожалению, продолжается. Впрочем, в стационарных условиях резать будет намного легче, и, надеюсь, мы обойдемся только одной, последней операцией... – Машину качнуло. – Пожалуйста, ведите осторожнее, – попросила Джин водителя. – Я понимаю, что это очень сложно, но вы всё же постарайтесь...

* * *

Смеркалось. Вдоль дороги горели чахлые костры, вокруг которых черными тенями маячили люди. Машина то и дело ныряла в удушливый чад всё еще полыхавших пожаров. Руины домов тлели изнутри, затягивая окрестности удушливым едким дымом. С неба валил тяжелый сырой снег. Улица, по которой ехали, представляла собой колею, извивающуюся меж огромных холмов. Всего восемь дней назад эти «холмы» были зданиями. От удара стихии они сложились как карточные домики: видимо, построены были из рук вон негодно. На противоположной стороне, перед горами, возвышалась старая крепость, возведенная здесь давным-давно русскими. В крепости – единственном месте в округе – горел электрический свет.

– Я ведь родом именно отсюда, – неожиданно разоткровенничался водитель. – Правда, давно перебрался в Исфахан: больно было смотреть на здешнюю жизнь. А брат двоюродный тут остался. Слава Аллаху, выжил. И жена его с детишками тоже. Они как раз неподалеку от этой крепости жили. Вот сразу к ней и побежали, с первыми же подземными толчками. Потому и спаслись. Что и говорить, раньше строили на совесть... Ох, шайтаны! – щелкнул он вдруг языком, и машина резко остановилась.

– Что случилось, Баба? – Джин посмотрела в окно, но из-за дыма ничего не увидела.

– Да мертвецов впереди везут. А дорогу развезло, вот они и застряли...

– Но мы очень торопимся!

– А что тут сделаешь? В объезд не проехать. Так что придется идти, помогать толкать. Иначе до утра здесь простоим... – С последними словами водитель выскочил из машины и побежал к застрявшему грузовику.

– Марьям, проследите за капельницей, – попросила Джин медсестру и тоже вышла наружу.

Дорога шла по краю холма, и раскинувшийся внизу разрушенный город сверху выглядел чудовищно. Снег окутывал его словно саваном, но быстро таял, превращаясь в грязь и растекаясь по улицам. Было слышно, как рычит техника и стучат кирки с ломami: это спасатели продолжали разбирать завалы. Всюду, насколько хватало глаз, лежали завернутые в саваны мертвые тела, похожие на спеленатые египетские мумии. Маленькие, детские «мумии» выглядели заботливо укутанными куколками. А среди больших, взрослых, много было и совершенно бесформенных, мало напоминающих человеческие тела... Трупы-мумии лежали и по одиночке, и штабелями. Всюду. И сквозь чад пожарищ, солярный выхлоп работающей техники и дождевую сырость явственнее всего проступал отвратительный запах разложения. Запах смерти...

Грузовик в очередной раз утробно взрычал и, сопровождаемый натужным кряхтением нескольких толкавших его сзади мужчин и фонтаном грязных брызг, сдвинулся наконец с места.

– Всё, поехали! – подбежал к Джин водитель «скорой», с ног до головы заляпанный глиной. – Слава Аллаху, тронулись...

Она вернулась в машину, осведомилась:

– Как наша пострадавшая, Марьям?

– Давление нормализуется, пульс выровнялся, – ответила сестра. – Температура немного спала. Лекарства действуют эффективно.

– Это обнадеживает. – Джин присела рядом с Симин, взяла её тонкую, как ниточка, руку, положила себе на колени. Машину сильно качнуло, потом второй раз, третий... – Что теперь? – спросила она у водителя. – Ямы? Колдобины?..

– Нет, ханум, – обернулся на мгновение тот, и Джин заметила, что лицо его побледнело. – Кажется, снова трясет. Как бы нам...

– Успокойся, Бабак. Утром геодезисты предупредили, что остаточные толчки будут проявляться еще несколько дней. Просто надо поскорее выбраться отсюда.

– Я бы рад, – вздохнул водитель, – но кругом такая грязь, что не разгонишься...

Ехали действительно медленно, к тому же в полной темноте. Обгоняли разве что бредущих вдоль дороги с нехитрым скарбом жителей окрестных селений, от стихии не пострадавших, но из-за опасения, что их постигнет участь соседей, все-таки покинувших насиженные места.

* * *

В городской больнице, до которой добрались лишь часа через полтора, трупы – еще неопознанные и потому не подготовленные к погребению – лежали прямо во дворе. Их раскладывали здесь специально: в надежде, что кто-нибудь из местных жителей опознает в раздавленных, разможенных, разорванных мертвых телах своих родственников. Зрелище было жутким, и даже успевшая ко многому привыкнуть Джин отвернулась, а Марьям и вовсе, вскрикнув и закрыв лицо руками, оступилась. Джин поддержала её, не позволив упасть.

– Успокойся, Марьям, успокойся, – обняла она девушку. – Ничего не поделаешь, такая уж у нас работа...

Двое мужчин и женщина, с ног до головы закутанная в черное, выносили со двора кого-то из близких. Мужчины то и дело вскидывали головы к небу, слали проклятия шайтанам и демонам, взывали к Аллаху, а женщина просто тихо плакала, закрыв лицо покрывалом. Рядом с больницей стояла выдавшая виды легковушка. Мужчины открыли багажник и засунули в него труп. Багажник не закрылся, но никого это, похоже, не взволновало. И Джин в очередной раз поразились несоответствию между только что громогласно и демонстративно выдаваемым горем и чудовищной небрежностью, с которой труп был заброшен в багажник машины. Эту черту – расхождение эмоций с действиями –

она подметила здесь, на Востоке, давно. И постепенно пришла к выводу, что хотя в древности Ближний Восток и послужил колыбелью для нескольких высокоразвитых цивилизаций, однако со временем ислам подмял под себя культуру этих народов и поспособствовал тем самым их деградации. Потому-то свойственные обычно лишь малоразвитым племенам обряды стенаний над мертвыми, завершающиеся танцами с барабанами, получили своеобразное воплощение и здесь.

Мужчины меж тем уселись в машину, один из них включил стартер, и легковушка затарахтела как трактор. Видимо, у нее был неисправен глушитель. Женщина, придерживая длинные одежды, не без труда пробралась на заднее сидение. Ей никто не помог – местному этикету подобные тонкости были неведомы. О мертвеце и вовсе, похоже, забыли: так и повезли в открытом багажнике. Джин проводила машину взглядом: синюшные ноги с засохшими следами крови свисали до самой земли, и их подбрасывало на каждой колдобине...

– Как можно верить в милосердие небес, когда столько горя вокруг? – всхлипнула Марьям.

Джин отчего-то вспомнила иракскую девушку Михраб, свою помощницу в городской больнице Эль-Кута. Правда, Михраб принадлежала к интеллигентной арабской семье, и это отражалось не только в её манерах, но и на лице: тонкие черты, мягкий голос, большие светлые глаза. Марьям же была дочерью бедного неграмотного крестьянина, подавшегося в город на заработки. Мать её ослепла после несчастного случая и с тех пор не выходила из дома. Чтобы содержать семью, отец выбивался из сил, и Марьям с сестрой вынуждены были прервать учебу – тоже пошли работать. Марьям устроилась мыть больничные лестницы в Исфахане, где Джин её и заметила. Через социальную службу она добилась, чтобы улыбчивую, сообразительную и толковую девушку отправили на курсы медсестер, а когда та закончила обучение, определила её к себе в помощницы. Джин почему-то чувствовала ответственность за судьбу этой молоденькой смешливой персиянки и испытывала необъяснимое желание расширить её сдавленный исламом мир, сделать его богаче и ярче. Как в случае с той же Михраб из Ирака...

Ныне зеленоглазая медсестра Михраб, уроженка Эль-Кута, вот уже три года как живет в Чикаго. Поступила в университет, попутно работает в клинике Линкольна. Джин нисколько не сомневалась, что под присмотром главного

хирурга госпиталя Ким Лэрри способная иракская девушка быстро освоит профессию и достигнет успеха. Её брат Салит, с детства души не чаявший в машинах, оказался неплохим механиком и ныне тоже работает в Чикаго, в частной автомастерской. Оба теперь живут свободно в свободной стране, и никто не мешает им восхвалять за это Аллаха.

Джин очень хотелось, чтобы когда-нибудь и Марьям, и другие женщины Ирана тоже узнали, что за пределами круга, очерченного суровыми муллами, существует другая жизнь. Конечно, по сравнению с Афганистаном 2002 года, когда войска коалиции во главе с США изгнали с его территории сторонников движения «Талибан», или по сравнению с соседним Ираком, всё еще раздираемым противоречиями, Иран казался сейчас Джин почти что оазисом спокойствия, благополучия, цивилизации и даже просвещения.

А вот в Афганистане от той жизни, которая текла там при короле Захир-шахе и позднее, даже при революционных деятелях вроде Наджибуллы, не осталось и следа. Эта страна с поразительной скоростью откатилась обратно в Средневековье. Угнетенные, забитые, пожизненно «замурованные» в паранджи женщины. Запрет на книги и какое бы то ни было учение, кроме религиозного. Школа – только для мальчиков. Единственный учитель в ней – мулла. Он преподает Коран, а в перерывах – это просто невероятно! – обучает подопечных установке растяжек и стрельбе из «калашникова».

Когда американские войска входили в афганские деревни, Джин и её подруга Мэгги принимали в передвижном госпитале всех местных жителей, обращавшихся к ним со своими недугами. И обе они были тогда страшно поражены: эти люди не знали даже элементарных правил гигиены! Поэтому часто умирали от совсем простых болезней: несварения желудка, хронического недоедания или истощения, от диареи, вызванной употреблением зараженной червями воды, от самой обычной простуды... О более серьезных случаях и говорить не приходится: если, не дай бог, руку или ногу оторвало миной, каковых в Афганистане было разбросано на каждом шагу, и не успел обратиться за помощью в миссию Красного Креста – всё, смерть. Попросту истечешь кровью, и никто не поможет. Все будут только причитать и молиться.

Здесь же, в Иране, дела обстояли не в пример лучше. Не зря ведь иранские муллы первыми осудили «Талибан», дальновидно распознав в нем угрозу своему господству. Поэтому ныне здесь были хорошо развиты здравоохранение и социальная помощь, никто не препятствовал деятельности Красного Креста,

женщинам позволялось учиться, участвовать в общественной жизни страны, обходиться вместо паранджи хиджабом и даже заниматься спортом, пусть и отдельно от мужчин. Неграмотных в Иране практически не встречалось.

Но чем больше Джин наблюдала иранскую жизнь, чем больше о ней читала и анализировала обстоятельства прихода к власти Хомейни и деятельность его последователей, тем больше приходила к выводу, что корень зла, явившегося человечеству 11 сентября 2001 года в виде протараненных пилотами-смертниками башен Всемирного торгового центра, лежит все-таки не в Афганистане. Его надо искать именно здесь, в Иране, в исламской революции и идеях Хомейни. Это он и его последователи породили исламский терроризм, взявший за точку отсчета отнюдь не нападение на башни-небоскребы, а захват сотрудников американского посольства в Тегеране в 1978 году.

Личность Хомейни, именуемого в Иране «двенадцатым имамом» и «долгожданным мессией для шиитов», сродни личности Ленина. А действия, совершенные им в Иране, можно смело приравнять к революции 1917 года в России. Именно отсюда, из Ирана потянулись незримые ниточки к «Аль-Каиде» и «Талибану», как бы иранские муллы ни пытались теперь – ради собственной безопасности – откреститься от них. Именно Хомейни внушил единоверцам, что Коран может и должен быть кровавым. Да и сам никогда не стеснялся отправлять на смерть тысячи не согласных с ним и подвергать их репрессиям сродни сталинским, желая окончательно расчистить поле для своих идей...

В Иране Джин жила при миссии Красного Креста, охраняемой двумя кордонами стражей исламской революции под командованием капитана Лахути. Здесь, вдали от посторонних глаз, можно было не носить хиджаб и вести привычный образ жизни. В миссии имелись свободный, неконтролируемый Интернет, мобильная связь, скайп и прочие радости христианской цивилизации. Такие как туалетная бумага, например, – тоже радость, оказывается. Оставаясь одна, Джин любила размышлять о добре и зле. К этому её с детства приучила бабушка. Она же привила любовь к книгам и людям, достойным подражания. Таким как леди Клементина Черчилль, например...

В ходе своих размышлений Джин пришла к выводу, что когда после длившейся много десятилетий борьбы с красной коммунистической чумой христианская цивилизация стала наконец побеждать, когда СССР вместе со своими вождями одряхлел и начал, издыхая, разлагаться, именно тогда, точно метастаза от смердящей раковой опухоли, и появилось движение, возглавляемое Хомейни.

И сам он остался в душе деспотом и тираном, только предстал народу уже не в комиссарской кожанке, а в религиозных одеждах. Подхватив падающую из рук коммунистического монстра булаву и прикрываясь уже не марксизмом, а Аллахом, Хомейни воздвиг новую крепость. Тоже, как и большевики, на человеческих костях. Порой Джин казалось странным, что большевистская «метастаза» проросла и укрепилась именно здесь, в Иране – в стране, подарившей миру древнейшую зараострийскую культуру и выдающихся художников и поэтов. Но факты – упрямая вещь. Революция Хомейни – свершившийся исторический факт, а коренная радикализация ислама – её непосредственное и закономерное продолжение...

* * *

– Заносить, госпожа?

Водитель «скорой» и сторож больницы осторожно вытащили из машины носилки с пострадавшей.

– Да, – кивнула Джин, – несите на второй этаж. Идем, Марьям.

Больница тоже была частично разрушена. Сохранилось только левое крыло, в которое в авральном режиме и провели автономное электричество, завезли воду, перенесли все необходимые медикаменты.

– Осторожнее, лестница шаткая, – предупредила добровольных носильщиков Джин, поднимаясь следом.

Сквозь пустые глазницы окон виднелось кладбище, начинавшееся прямо от ограды больницы и тянувшееся к горам. На кладбище повсеместно горели факелы – похороны шли непрерывной чередой. Слышалось монотонное пение муллы, читавшего суры, доносились сдавленные рыдания родственников. Спеленутые мертвецы лежали у кромки рва, который продолжал удлиняться в каменистом грунте выдавшим виды экскаватором. От ковша то и дело отлетали зубья, и их тут же, на кладбище, приваривали снова. Тело женщины, прикрытое поверх савана еще и покрывалом, чтобы мужчины не могли смотреть на нее и после смерти, собирались уже опустить в ров, когда зубья отлетели в очередной раз. Тело вернули обратно – вновь подложили к длинной очереди мертвецов.

Опустили на землю небрежно, забыв, что голова должна быть повернута в сторону Кеблы. Прервав чтение талкина – свидетельства о вере мусульманина, призванного облегчить ему встречу с ангелами Мункаром и Накиром, – мулла указал на ошибку, и женщину поспешно развернули. Мулла снова затянул заунывное пение...

– О, Аллах, где мой платок? Где мой платок?! – запричитала вдруг слабым голосом Симин.

– Госпожа, она пришла в себя! – Марьям склонилась над пострадавшей.

– Это хорошо, – кивнула Джин, входя в палату.

– Где мой платок? – повторила женщина, повернув к ней серое, испещренное ссадинами лицо с запавшими блеклыми глазами.

– Вы в больнице, Симин, здесь платок необязателен, – мягко сказала Джин.

– Нет, дайте мне платок, я не могу без платка... – Женщина попробовала опереться на руку и привстать, но сил не было, и рука повисла безвольной плетью. Джин подняла её и осторожно положила на постель. – Непокрытая голова – большой грех, – продолжала настаивать на своей просьбе Симин. – Меня люди засмеют...

– Но здесь только мы, врачи.

– Всё равно... Дайте платок...

– Хорошо. Марьям, – повернулась Джин к сестре, – накрой ей голову чистой простыней. Но так, чтобы я смогла осмотреть все повреждения на лице и шее.

– Слушаюсь, госпожа. – Марьям проворно выполнила её указания.

– Теперь вы довольны, Симин? – Джин хотела отойти, чтобы надеть хирургические перчатки, но тонкие пальцы женщины скользнули по её запястью, как бы удерживая. Джин остановилась.

– Это вы... были там? – чуть слышно спросила Симин. – Со мной...

– Под завалами? – догадалась Джин. – Да, я.

– Вы сказали...

– Что ваш ребенок жив? – снова закончила за нее фразу Джин. – Я сказала правду, Симин. – Она присела на край кровати, взяла руку женщины в свою. – Один из ваших детей выжил, самый младший. Его скоро привезут сюда.

– Хафиз? – серые губы женщины задрожали, в глазах блеснули слезы. – Уцелел только Хафиз?.. – Она затаила дыхание в ожидании ответа.

– К сожалению, да. Только он, – горько вздохнула Джин. Но тут же взяла себя в руки и улыбнулась: – И вы. Разве этого недостаточно, чтобы продолжать жить и радоваться жизни? Другие семьи погибли полностью...

Женщина чуть заметно кивнула, закрыла глаза, прошептала:

– Храни вас Аллах. – По щекам её покатались слезы. – Перед тем как всё случилось, я посадила Хафиза в кроватку, а сама отошла за едой на кухню, хотела его покормить. Неожиданно пол под ногами зашатался, стены начали рушиться прямо на глазах... Что-то тяжелое ударило меня по голове, и больше я ничего не помню. А ведь я еще за три дня до этого говорила мужу, что надо уходить, предупреждала, что вода в колодце убывает, а камни во дворе стали горячими... А он отмахивался, говорил, что старые приметы – давно изжившие себя предрассудки... Сам-то ведь он у меня с образованием был, в Тегеране учился... Вот я и не посмела перечить. А в тот день, еще утром, вода в колодце совсем пересохла. А когда я пришла на реку белье полоскать, от воды аж пар валил – кипятком кипятком. Я сразу домой побежала, хотела мужу об этом рассказать, но тут Хафиз заплакал, проголодался. Вот я и кинулась первым делом на кухню...

– Спасатели его так и нашли: сидел в кроватке, а каменная плита над ним как бы «домиком» сложилась, – улыбнулась Джин. – В руках – игрушка, на теле – ни единой царапины. Только вот словно оцепенел от страха. Когда людей увидел – заплакал. Нужно будет обязательно показать мальчика доктору. Чтобы пережитый страх не отразился впоследствии на его здоровье...

– Как же я теперь буду его растить? Одна и без... – Симин сморщилась, с трудом сдерживая слезы, и снова попробовала приподняться на локте.

– Нет, нет, голубушка, лежите, вам еще рано вставать, – Джин твердо вернула её на место.

– Я знаю, что вы мне отняли ногу, – всхлипнув, продолжила женщина. – Вот и думаю теперь: смогу ли вырастить сына? У меня образование – всего четыре класса. В свое время ушла из школы, потому что надо было присматривать за младшими братьями и сестрами, мать одна не справлялась. А с одной ногой я не только никакую работу не найду, но и по дому вряд ли управлюсь. Да и дома-то теперь у нас с сыном нет. Ничего нет. Где мы будем жить? Как?.. О, горе мне, горе! – слезы снова полились из её глаз ручьем.

– Не расстраивайтесь, Симин, всё образуется, – Джин ласково коснулась руки безутешной женщины. – Мы сделаем вам удобный протез, так что ходить вы сможете. Сначала будет трудно, потом привыкнете. Социальная служба возьмет вас под опеку: обеспечит жильем и пособием. Главное, не отчаивайтесь. Радуйтесь, что выжили. И не одна, а с сыном. Кстати, на время вашего лечения я могу определить Хафиза в лагерь Красного Креста. Поверьте, Симин, вас не бросят в беде. Аллах милостив.

– Слава Аллаху, – женщина благодарно пожала Джин руку.

– А чтобы поскорее выздороветь, начнем лечиться прямо сейчас, – улыбнулась ей в ответ Джин и, поднявшись, направилась к стойке с медикаментами. – Первым делом обследуем культю, чтобы найти нежизнеспособные мышцы и иссечь их. Марьям, подготовь анестезию.

Стеклянные предметы на стойке зазвенели, несколько зажимов упало с подставки на пол.

– Опять качает, – застыла с зажатым в руке шприц-тюбиком Марьям.

– Аллах всемогущий! – женщина в ужасе подскочила на кровати, явно вознамерившись встать.

Джин бросилась к ней.

– Лягте, Симин! – приказала невозмутимо. – Марьям, вводи лекарство. Ничего страшного не происходит. Всего лишь остаточные толчки землетрясения, о которых нас заведомо предупредили.

– Но, госпожа, – дрожащим голосом произнесла медсестра, – может, нам все-таки уехать отсюда в более безопасное место?

– Непременно уедем. Но лишь после того как окажем помощь всем пострадавшим, – твердо ответила Джин. – Спасатели продолжают разбирать завалы и, значит, могут найти живых людей в любую минуту. Доктор Нассири знает, что мы здесь, и будет отправлять их именно сюда. К тому же Симин нуждается в срочном, не терпящем отлагательств лечении. Так что успокойся, Марьям, и сделай ей укол. А потом переложи всё со стойки на пол, чтобы ничего больше не падало и не билось.

– Хорошо, госпожа, – покорно кивнула девушка и направилась к пострадавшей.

– Госпожа, – в палату заглянул водитель Бабак, протянул Джин мобильный телефон, – вас. Доктор Нассири.

Джин взяла трубку.

– Слушаю вас, доктор.

– Как вы добрались, Аматула? – донесся голос доктора сквозь треск помех; связь здесь была никудышной.

– Нормально, доктор, – коротко ответила Джин. – Мы в порядке.

– К вам едет капитан Лахути! – прокричал в трубку Нассири. – Везет малыша Хафиза и еще одного пострадавшего.

– Тоже нашли под завалами?

– Нет, под руинами пока только мертвецов находим, упокой Аллах их души... – Треск на мгновение стих, и Джин услышала тяжелый вздох Нассири. – Но рана у пострадавшего серьезная, госпожа, – продолжил тот через секунду уже деловито. – Перелом шейного отдела позвоночника. К счастью, без парализации.

– Он из спасателей?

– Нет, пилот транспортного самолета, разбившегося вчера вечером на подлете к нам. Взлетали, с его слов, из впадины, минус один метр, при сильной облачности. Первый пилот неверно рассчитал траекторию, и самолет воткнулся в склон горы. Из всего экипажа уцелел только наш раненый. В момент удара он находился в отсеке, забитом палатками и одеялами, вот они-то и спасли ему жизнь. Взрывом его вышвырнуло вместе с этими одеялами на склон. Повезло парню. Видно, при рождении был поцелован Аллахом. Первую помощь я ему оказал: ввел обезболивающее, сделал воротник из ваты и надежно зафиксировал его бинтами. А дальше уж вы сами, Аматула... Я попросил Шахриара ехать очень аккуратно, чтобы у парня, не приведи Аллах, не повредился спинной мозг. Думаю, справится.

– Хорошо, доктор, я всё поняла. Жду их.

– Что-что? Не слышу!..

Треск усилился.

– Я всё сделаю, не волнуйтесь! – прокричала Джин. – До связи! – Вернув трубку Бабаку, подошла к кровати Симин, сообщила с улыбкой: – Хафиза уже везут сюда, скоро вы встретитесь.

* * *

– Ты, наверное, устала, – капитан Лахути опустил в стоявшую перед Джин колбу сорванную по дороге дикую красную розу. – Тебе надо поспать.

– Да, устала, – согласно кивнула она. С минуту полюбовалась цветком. – Спасибо. Все-таки Иран – удивительная страна: розы в здешних горах цветут даже под снегом. Во Франции, где я жила раньше, с наступлением зимы их можно было

увидеть только в оранжереях. Или на юге, где снега почти не бывает. А в своем родном Эль-Куте я вообще не видела роз. Там ведь одни пустыни кругом, поэтому самый драгоценный подарок для девушки – тамариск. Да-а, в плане красивых цветов Аллах оказался к Ирану намного щедрее, чем к Ираку...

– Как эта женщина, Симин? Выживет? – присел Лахути на подоконник.

– Думаю, да, – ответила Джин, вернувшись к изучению рентгеновских снимков позвоночника доставленного в больницу пилота. – Токсического шока и большой кровопотери мы успешно избежали, так что организм Симин постепенно восстанавливается и уже сам начинает работать на выздоровление. Конечно, без повторной операции не обойтись, но теперь, когда рядом с ней Хафиз, у Симин появилось желание жить, и, я уверена, она перенесет операцию нормально. А потом непременно пойдет на поправку. Что ж, – она отложила последний снимок, – вот и еще одно из чудес Аллаха: парню даже операция не потребуется. Очень легко отделался: никаких признаков сдавливания костными структурами спинного мозга или нервных корешков я у него не наблюдаю. Значит, удастся ограничиться консервативным лечением – корсетом. Дело, конечно, долгое, растянется недель на двенадцать, а то и четырнадцать, но это, я полагаю, для него не смертельно. – Джин повернулась к лежавшему на койке у стены пилоту и повысила голос: – Завтра отправим вас в Исфахан, в центральную городскую больницу. Там вы быстро подниметесь на ноги.

– Я уверен, что это моя мать вымолила мне жизнь у Аллаха, – отозвался летчик, молодой человек лет двадцати пяти с пышной черной шевелюрой и широкими густыми бровями. – Она постоянно молилась за меня...

– Мы сообщим ей адрес больницы, и она обязательно навестит вас, – пообещала Джин. Повернулась к сестре: – Марьям, обезболивающее ему – каждые четыре часа. И – полный покой! Любое резкое движение может привести к расщеплению деформированной части позвоночника на осколки, которые, в свою очередь, могут задеть спинной мозг.

– Поняла, госпожа. Всё исполню.

– Пациент, вы слышали мои слова? – строго посмотрела на летчика Джин.

– Да, ханум.

– Слушайте сестру беспрекословно.

– Хорошо, ханум.

Джин направилась к двери, капитан пошел за ней.

– Я привез тебе поесть, – сказал он, когда они вышли из палаты. – Бараньи отбивные с сардинами и жареные помидоры. Всё в упаковке, еще теплое. И апельсиновый щербет на сладкое.

– Спасибо, я и впрямь страшно проголодалась, – призналась Джин, улынувшись. – Но у меня на очереди еще старик с ушибом головного мозга. Рентгеноскопия показала, правда, что кровотечения в полость черепа нет, однако хочу проверить его еще и на томографе. Гематома у старика довольно обширная, давит на сосуды, и это меня беспокоит. Если срочно не сделать дренаж, может развиться мозговая ишемия...

– Но поесть ведь тоже надо, – мягко перебил её Лахути, удерживая за руку. – К тому же это не займет много времени.

– Ладно, уговорил.

* * *

Свет луны неровным белым прямоугольником скользил по грязному каменному полу просторного помещения, служившего еще недавно палатой. Излучавшая дневной свет блеклая лампа освещала только малую часть комнаты. Высвободив свою руку из руки Шахриара, Джин подошла к одному из трех больших окон с выбитыми стеклами. Черный мрак уже плотно окутал склоны, и белесым лунным светом освещались только их голые скорбные верхушки. Слышался протяжно тоскливый вой шакалов. С гор в окно дул сырой промозглый ветер, принося с собой сладковатый запах тления.

– Вообще-то трупный запах не очень способствует аппетиту, – негромко произнесла Джин, – но сейчас он почему-то не имеет для меня никакого значения.

– Ты не ответила мне, – Лахути подошел, встал за её спиной. – Я говорю правду: моя жена согласна, чтобы я взял временную жену. А ты вдова, сама говорила. И я хочу быть с тобой. И хочу действовать по закону. Чтобы всё было, как положено: регистрация у муллы, выкуп...

– А в качестве выкупа – десять диких газелей, как водится? – слабо улыбнулась она. – И кому ты их, интересно, отправишь? Моей семье в Ирак? Не думаю, что им там сейчас найдут применение.

Разогретая докрасна спираль радиатора мерцала красными огоньками, чуть заметно подрагивая. Лахути положил руку на плечо Джин. Она вздрогнула.

– Здесь никого нет, – он сдернул платок с её головы. Деревянная спица, удерживавшая длинную косу, выскочила, и волосы рассыпались по плечам. – Никого, кроме мертвых за окном, – наклонился, поцеловал Джин в шею. – Но они вряд ли нас осудят. Им уже не до нас... – Джин вытянула из волос вторую заколку. Строгими правилами шариата женщинам запрещались прически в виде конских хвостов, потому она вынуждена была отказаться от привычки связывать волосы узлом на затылке, как это делали её мать и бабушка. – Раз ты вдова, – продолжил Лахути через мгновение, – то выкуп положен тебе самой, а не твоей семье. А может, ты сомневаешься во мне? – он развернул её лицом к себе. – Я заплачу, сколько скажешь. Офицеры революционной стражи не страдают безденежьем.

– Думаю, за меня вообще платить не надо, – пожала плечами Джин. – Я ведь хоть и родилась в исламской стране, но долго жила во Франции. И приняла христианство, поскольку мой муж был христианином. – Вздохнула. – Он умер от лимфомы, и я не смогла его спасти, как ни старалась. Эта зараза съедала весь кислород у него внутри, и все последние дни он задыхался, ему не хватало воздуха. Лекарства не помогали, небольшое облегчение приносила лишь кислородная маска. Смотреть на его мучения было невыносимо... – Помолчала, опустив голову. – Насколько мне известно, брак в Иране возможен только между представителями одной религии, а я теперь иноверка. Во всяком случае формально. Поскольку и сама не знаю, кто я. И Аллах, и Христос для меня теперь равны.

– Ты не совсем права, я всё узнал. На временный брак подобные ограничения не распространяются. Его можно заключить хоть на сто лет. Но даже и постоянный, если я сумею добиться развода, не препятствует совместной жизни христианки

и мусульманина. Только заключить его надо, например, в Ираке. Он всё равно будет считаться здесь действительным. Так что это не должно тебя смущать. Моя жена прекрасно понимает, что наши былые чувства друг к другу давно угасли, переросли в общий долг по воспитанию детей. Поэтому не претендует ни на что, кроме материального обеспечения, а у меня с ним проблем нет. Когда мы с тобой станем жить вместе на законных основаниях, жена не будет возражать. Даже полиции нравов не к чему будет придраться. Ислам вообще, как ты знаешь, не враждебен христианству, христианские общины охраняются у нас законом.

– Я должна подумать, – отвернулась Джин к окну.

– О чем? – снова развернул её к себе Лахути. – Ты не любишь меня? Поверь, я всё обдумал, это единственная возможность соединить наши судьбы. Если я преступлю закон, то навлеку беду на всю свою семью. И не смогу жить с тобой свободно. Так, как хочу. Но и без тебя я уже не могу...

– Простите меня, госпожа, – в комнату заглянула Марьям, и Джин резко накинула платок на голову, – но я уже поставила старику вентрикулярный катетер. Нужно приступить к дренированию.

– Хорошо, сейчас приду, – кивнула Джин. – Внутрочерепное давление измерила?

– Да, госпожа. Оно постоянно растёт.

– Возвращайся к больному и приготовь тромболитический раствор для инфузии. Нам надо избежать нежелательных осложнений.

– Слушаюсь, госпожа.

Как только дверь за сестрой закрылась, Джин сдернула платок, быстро заплела волосы в косу и скрепила их на затылке заколками. Бросила взгляд на Лахути.

– Договорим позже. Извини. Обещаю сообщить о своем решении в самое ближайшее время.

– Хорошо. Я буду ждать, – он отступил на шаг.

Снова накрыв голову платком, Джин быстро направилась к двери. Она чувствовала, что Лахути смотрит ей вслед, но оборачиваться не стала. Не хотела, чтобы он прочел в её глазах чувства, переполнявшие сейчас сердце.

* * *

Экран компьютера мигнул, послышалось характерное короткое пощелкивание, и через секунду на экране высветилась информация о доставленном сообщении. Джин навела курсор на значок почты, нажала клавишу мыши, и сообщение открылось, показав улыбающиеся мордашки двух стоявших у кромки футбольного поля арабских подростков. Это были сыновья иракца Ахмета Байяна. Он служил офицером полиции в Эль-Куте, и по легенде Джин являлась его дальней родственницей.

Перевод Джин на работу в Иран произошел спонтанно и неожиданно. Впрочем, Дэвид Уитенборн, её куратор в разведывательном управлении, сказал тогда: «Такие удачные неожиданности случаются в нашем деле нечасто». Внедрение агента на территорию Ирана, где США не имели своих дипломатических миссий и где отсутствовали другие ассоциированные структуры, обычно помогавшие в подобной деятельности, было делом непростым. Тем более под бдительным оком так называемого «Министерства информации», под безобидным на первый взгляд названием которого скрывалась мощная иранская разведывательная служба, пришедшая после революции на смену шахской разведке САВАК. Её организовал один из бывших высших офицеров САВАКа, генерал Хосейн Фардуст, смещенный позже со своего поста по подозрению в связях с КГБ. Однако, опираясь на старые кадры и связи, Фардуст успел создать структуру для нового руководства Ирана, и та очень скоро приобрела могучие рычаги воздействия на многие процессы, происходившие как на Ближнем Востоке, так и в других частях света. В частности, оказывала влияние на арабо-израильский и боснийский конфликты, фактически руководила исламским движением в Алжире, расширила присутствие иранцев в Ливане и Пакистане, закрепились в Германии, Таджикистане, Армении и странах Латинской Америки. Кроме того, установила контроль не только над международными исламистскими организациями, но и над многими леворадикальными группировками типа НФОП («Народный фронт освобождения Палестины») и греческой группы «17 ноября».

Несмотря на то что сам генерал Фардуст был арестован и заключен в тюрьму, его преемники успешно продолжали начатое им дело. Ныне «Министерство

информации» возглавлял уже четвертый руководитель – Али Юнеси 1955 года рождения, уроженец небольшого городка из западно-иранской провинции Хамадан. В 1980 году Юнеси окончил Технологический колледж в Куме, потом изучал юриспруденцию в Исламской семинарии Кума и Университете юридических наук Тегерана. В те же годы он стал активным участником исламского антимонархического подполья, за что несколько раз задерживался САВАКом и в итоге был вынужден бежать в Ливан. Во второй половине 70-х Юнеси прошел военную подготовку в тренировочных лагерях организации «Амаль» и нескольких палестинских группировок. Вернувшись в Иран, участвовал в революции и занимал различные должности в судебной системе и силовых структурах. В 1997 году получил профессорскую степень по специализации «Национальная безопасность». До назначения на пост главного разведчика Ирана занимал должность заместителя главнокомандующего ВС в Управлении военной разведки и возглавлял Юридическую организацию ВС ИРИ. Юнеси был хитрым, грамотным и серьезным противником. Щупальца возглавляемого им «спрута» охватывали около сорока стран мира. Его организация насчитывала порядка тридцати тысяч агентов, он был тесно связан с сирийскими спецслужбами, наладил связи с курдскими повстанцами. Несмотря на присутствие в Ираке американцев, агенты «Министерства информации» активно действовали и там: поддерживали террористическое движение в южных и северных провинциях и неустанно готовили базу для оказания сопротивления на случай, если вдруг прозападный Ирак вознамерится проводить антииранскую политику.

Всеми этими сведениями с Джин поделился майор Уитенборн. Предупредил также, что внутри Ирана «Министерство информации» обладает практически неограниченной властью. Например, им установлена тотальная слежка за всеми иностранцами и вступающими с ними даже в малейший контакт иранцами. Под тщательный контроль поставлены все средства связи и информации, включая Интернет и мобильную связь: каждое сообщение подвергается строгой цензуре. В случае выявления неблагонадежных лиц «Министерство информации» приговаривает их к казни через повешение, часто даже не утруждая себя судом и следствием. Особенно тщательно охраняется любая информация, так или иначе связанная с ядерной программой Ирана. Но именно эта программа и интересовала Джин в первую очередь. Ради нее она сюда и приехала.

* * *

Встав из-за стола, Джин подошла к окну. Горный прохладный ветерок, легкое трепыхание белых шелковых занавесок. Джинсы, футболка, волосы, привычно скрученные узлом на затылке. Почти монашеское мусульманское одеяние брошено на спинку кресла. На территории миссии Красного Креста, окруженной двойной цепью стражей исламской революции, женщинам позволялось носить привычную одежду и вести привычный образ жизни. Темные длиннополые исламские наряды были для сорокоградусной жары, когда даже ночью столбик термометра не опускался ниже тридцати градусов, не слишком подходящими.

Ограждавший миссию высокий забор делал её похожей на еврейское гетто времен Второй мировой войны. На висевшем на въезде плакате по-английски и по-французски (на официальных языках Красного Креста) были перечислены правила поведения женщины в исламской стране. В том числе касающиеся одежды. Например, около имевшегося на территории миссии бассейна иностранкам разрешалось загорать в купальниках европейского образца, а мусульманкам – только в буркини: разработанном модельером Ахедой Занетти специальном костюме для плавания, более напоминающем костюм лыжника. Разумеется, вид полуобнаженных женщин в шезлонгах не оставлял гордых стражей исламской революции равнодушными, и они по очереди вели за ними наблюдение через дырки в заборе.

Сейчас, с наступлением холодов, кресла у бассейна пустовали, а вода, подернутая рябью от ветра, потемнела – бассейн давно не чистили. Впрочем, времени для отдыха у сотрудников Красного Креста теперь практически и не было: землетрясения разной магнитуды следовали во многих областях Ирана одно за другим, требуя постоянного их присутствия в местах разрушений.

Именно землетрясение, нанесшее огромный ущерб и повлекшее за собой массовую гибель населения, заставило Иран, всегда с недоверием относившийся к международным гуманитарным организациям, обратиться за помощью к Красному Кресту. И руководство разведки США сразу ухватилось за возможность внедрения в группу, направляющуюся в район Исфахана, своего человека. Сделать это оказалось очень непросто, ибо иранцы, прекрасно осведомленные о способностях западных спецслужб, сами отбирали каждого члена делегации, проверяя его личность по собственным базам. Не смогли ничем помочь ни мать Джин, доктор медицины, профессор Сорбонны и Чикагского университета Наталья Роджерс-Голицын, являвшаяся одним из членов директората Красного Креста, ни даже сам президент Международного комитета швейцарец Якоб Келленбергер. Открыто нажать на иранцев не позволял статус, а добровольно те

ни на какие уступки не шли.

Казалось, долгожданная удача вот-вот ускользнет из рук, но Уитенборн продолжал предпринимать отчаянные попытки удержать её. И в конце концов через французские спецслужбы ему удалось уговорить одну из отобранных иранцами сотрудниц: за день до вылета в Исфахан француженка Аманда Марси, опытный хирург, «сломала ногу», и ей потребовалась срочная замена. Тут-то руководство Красного Креста и предложило кандидатуру Джин. Под чужим именем, конечно. Предложило от лица Франции как опытного специалиста и представило дочь иракского эмигранта, противника Хусейна, что, несомненно, должно было импонировать иранскому руководству.

Времени на тщательную проверку «новенькой» у иранцев не оставалось (на это и рассчитывал Уитенборн), так что женщина-хирург, наполовину француженка, наполовину арабка, имеющая опыт военной медицины в Ираке и к тому же владеющая фарси, их вполне устроила. Так Джин – под именем Аматулы Байян, сотрудницы миссии Красного Креста – оказалась в Исфахане. Хотя на самом деле её цель состояла не только в оказании помощи пострадавшим от землетрясения иранцам.

* * *

– Иранцы учли неудачный опыт Саддама по созданию ядерного оружия, – напутствовал Джин куратор Дэвид Уитенборн. – Я имею в виду тот случай, когда израильская авиация одним ударом с воздуха накрыла весь объект и поставила тем самым на программе Саддама крест. Поэтому иранцы рассредоточили свои объекты по всей стране и тщательно их замаскировали. Однако у нас есть сведения, что один из таких объектов действует в районе Исфахана. Предположительно этот завод носит кодовое название «Роза» и встроен глубоко в гору вот здесь, – Дэвид ткнул карандашом в точку на карте. – Завод предназначен для установки почти трех тысяч центрифуг и обогащения урана до пяти процентов. А вот что там еще производится, нам только предстоит выяснить. До сих пор, по нашим данным, иранцы имели в своем распоряжении центрифуги IR-1. Но сейчас, возможно, у них уже появились опытные образцы более производительных центрифуг IR-2 разных модификаций и IR-4, на которых они смогут обогащать уран до 20 %. А это уже близко к военным параметрам.

– Но что, если мы ошибаемся, и программа Ирана действительно мирная и направлена всего лишь на получение энергии? – позволила себе усомниться Джин. – Ведь МАГАТЭ в своих отчетах пишет именно так.

– МАГАТЭ – весьма специфическая организация, – поморщился Дэвид. – Так сказать, себе на уме. – Чуть отвернувшись и закулив, продолжил: – Наблюдениями МАГАТЭ можно пользоваться, но безоговорочно верить им нельзя. Поскольку главная цель этой организации не сокращение использования ядерной энергетики, а, напротив, её распространение. Это их кормушка, иначе они будут никому не нужны. Потому и ведут двойную игру. Ты врач, Джин, и многого в этой области не знаешь, так что поверь мне на слово: мирной атомной энергетики не существует по определению. Она развивается исключительно как военная, а «мирный атом» – это всего лишь красивый оборот речи. Сама посуди: атомная энергия обходится очень недешево, а современной науке давно известны способы получения более дешевых видов энергии. Тогда зачем, спрашивается, тратить деньги на атомную? Правильно: только ради серьезных и агрессивных целей. Так что я абсолютно уверен: цель иранцев – именно атомная бомба. И не исключаю, кстати, что она у них уже есть. Им просто осталось решить вопрос с носителями, ведь само по себе ядерное устройство мало значимо. Исходя из этого, полагаю, что главная задача Ирана сейчас – получить носители и достаточное количество материала. Не так давно мы посылали в этот район, – Дэвид указал на карте ту же точку, – беспилотный модуль, но иранцы обнаружили его и не подпустили. И хотя сбить наш беспилотник им так и не удалось, вернулся он пустой. А поскольку человек – самое совершенное творение природы, он способен сделать то, что не под силу никакой технике. Именно поэтому, Джин, – Уитенборн внимательно посмотрел Джин в глаза, – мы теперь надеемся только на тебя. Все Соединенные Штаты надеются. Говорю это без всякого пафоса и преувеличения. Можно сказать, от лица всех, кто не хочет, чтобы в руках исламских фанатиков оказалось страшное оружие, аналогичное тому, которое некогда превратило в пыль Хиросиму и Нагасаки. И если бы, Джин, – он взял её за руку, – у нас имелась другая возможность, я сам, равно как и любой из наших сотрудников, отправился бы в Иран вместо тебя, не раздумывая. Но шанс выпал именно тебе. И мы не имеем права упустить его.

– Не упустим, сэр, обещаю. Даже если для этого мне придется погибнуть, – Джин гордо вскинула голову. – Я ведь прекрасно понимаю, что в случае моего разоблачения никто меня оттуда вытащить не сможет.

– Помни об этом и будь осторожна, – заключил Дэвид.

* * *

Пунцовое солнце тонуло в окутавшем горные зубцы тумане, клонясь к закату. Его оранжевые лучи золотили голубоватый купол расположенной в самом центре города мечети шейха Лотфоллы, названной в честь знаменитого шиитского богослова, жившего в Ливане. Поблескивали они и на минаретах Шахской мечети, выстроенной по приказанию великого правителя Аббаса I. Именно он и объявил когда-то Исфахан своей столицей. После революции мечеть переименовали в мечеть имама Хомейни. Равно как и главную площадь Исфахана, некогда именовавшуюся Шахской. Однако это не убавило очарования городу, который на Востоке чаще называли не «городом», а «половиной мира». Сегодня был понедельник, поэтому главная площадь выглядела пустынно. Зато по пятницам к мечетям стекались жители не только всего Исфахана, но и окрестных селений. Правда, «пятничная молитва» больше напоминала общенациональную политинформацию, ибо об Аллахе в ней говорилось реже, чем о политике.

Джин закрыла окно, к вечеру холод усилился, и, неслышно ступая босыми ногами по вышитому шелковому нитями ковру, вернулась к рабочему столу. Персидские ковры ручной работы (их здесь называли «исфаханами»), с характерными для местных традиций большими медальонами в центре, со светлым, тщательно вышитым растительным узором полей и темными бордюрами, были подарены миссии Красного Креста представителями здешней администрации. Ковры эти – из чистой шерсти на основе хлопка, невероятно ярких и тонких голубых и розовых оттенков на уникальном фоне цвета слоновой кости – можно было без преувеличения назвать произведениями искусства. Стелить их на пол или вешать на стены казалось кощунством. Но на Востоке не принято было не пользоваться подарком – хозяин мог обидеться. Ведь если не положишь на видное место – значит, не понравился. А желания обижать иранцев, и без того пострадавших от стихии, никто не испытывал.

Поскольку вопрос с отправкой Джин в Иран решался стремительно и времени на подготовку монолитной, устойчивой легенды катастрофически не хватало, руководство решило воспользоваться тем же прикрытием, что и в Ираке, слегка его доработав. Но в Ираке Джин было проще. Там ей не приходилось постоянно торчать в городской больнице Эль-Кута. Там за её спиной стояла мощная военная группировка США, в любой момент готовая прийти на помощь. Там ей ассистировали Ахмет Байян со всем своим семейством, Михраб, доктор Фарад и другие местные сторонники прозападной администрации. Иран же – совсем

другое дело. Здесь антизападные настроения пронизывали общество сверху донизу, и религиозные деятели прочно держали в идеологических тисках всё население от мала до велика. Проще говоря, в Ираке Джин чувствовала себя в безопасности и жила относительно свободно, а здесь, в Иране, из-за слежки «Министерства информации» персонально за каждым иностранцем даже вздохнуть лишней раз опасалась. Ведь если бы, в случае малейшего подозрения, местные агенты взялись за проверку её наспех слепленной легенды, та треснула бы как скорлупа молочного ореха.

А прицепиться им было к чему. Женщина-мусульманка, пусть даже наполовину француженка и много лет проведшая в Европе, но до сих пор, в её-то далеко уже не юном возрасте, не имевшая ни мужа, ни детей, – явление для Востока крайне странное и потому само по себе подозрительное. Чтобы ликвидировать сей досадный пробел, Дэвид придумал для Джин мужа-француза, умершего от рака крови вскоре после свадьбы. Брак с ним объяснял и принятие ею христианского вероисповедания, чему, по счастью, ислам не препятствовал. А иранские муллы, дабы продемонстрировать миру свою толерантность, даже оберегали христиан от нападков представителей других религиозных конфессий. К тому же Коран не запрещал обратного возвращения в веру, так что при необходимости Джин могла этой возможностью воспользоваться. Определенные преимущества предоставлял ей и статус вдовы. Ибо вдовы, пусть даже бездетные, пользовались в Иране правами и почтением большими, нежели незамужние женщины. Отсутствие у женщины мужа здесь считалось едва ли не позором.

Арабское происхождение объясняло не совсем свободное владение Джин фарси – сойти за персиянку она бы точно не смогла. Учить язык Джин начала только за год до отбытия в Иран – по совету Дэвида и с помощью неутомимой тети Джилл, служившей в молодости у бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга. Бабушка Маренн считала, что тетя Джилл никогда, сколько её ни учи, не сумеет приготовить пудинг, но зато с легкостью и в короткий срок освоит любой язык. Таким уж лингвистическим талантом та обладала. Теперь «иракская» легенда позволяла Джин время от времени сбиваться на арабский, которым она овладела в совершенстве, не вызывая при этом никаких подозрений. А всего, что касалось непосредственно врачебной деятельности, Джин не боялась: тут её профессионализм был безупречен.

Самым сложным и уязвимым аспектом для работы в Иране долго оставалась связь. Два пояса стражей вокруг миссии Красного Креста не столько охраняли саму миссию, сколько следили за каждым шагом проживавших на её территории

иностранцев. Без сопровождения капитана Лахути Джин не могла и носа высунуть за пределы миссии. Она знала, что капитан окончил курс национальной безопасности и является офицером контрразведки, поэтому, несмотря на все его лирические излияния, резонно считала «воздыхателя» одним из своих главных противников.

Корпус стражей исламской революции подчинялся не министру обороны и даже не президенту Ахмадинежаду, а исключительно рахбару – верховному идеологическому вождю, сотрудничавшему с «Министерством информации». Последнее, в свою очередь, тоже было подотчетно только верховному мулле Али Хосейни Хаменеи – активному участнику революции и ближайшему соратнику почившего имама, занявшему этот пост после смерти Хомейни. Сам корпус представлял собой закрытую военную организацию типа гитлеровских СС, противостоял армии как бы для уравнивания её влияния в стране и служил главной опорой режима. В состав корпуса, как когда-то и в СС, входили сухопутные войска, эскадрильи ВВС и боевые единицы военно-морского флота. То есть при необходимости он фактически мог заменить собой армию. В корпусе исправно функционировали также службы внешней разведки КСИР и иностранных операций. Тесно взаимодействуя с «Министерством информации», эти комитеты занимали прочные позиции в Ливане и Судане, обладали разветвленной агентурно-диверсионной сетью в странах Персидского залива, в Палестине, Германии, Франции, Канаде, Бразилии, Парагвае, Пакистане и на Филиппинах. Бдительность в таких условиях нельзя было терять ни на секунду, поэтому даже подаренные ковры пришлось проверить на наличие вшитых в них подслушивающих устройств или других приспособлений для слежки.

Для осуществления связи при столь плотном контроле со стороны противника можно было рассчитывать разве что на какое-нибудь чудо техники. И такое «чудо» придумали для Дэвида израильские специалисты-компьютерщики из Моссада. Глава израильской разведки генерал Амос Ядлин, понимая, что «горячая война» с Ираном в современных условиях вряд ли возможна, сделал ставку на «кибервойну», провозгласив её одним из столпов новой военной стратегии Израиля. Активизировав работу всех отвечающих за информационную войну структур, он создал особое подразделение с кодовым названием «Отдел-8200» – сверхсекретную структуру, занимающуюся перехватом телефонных разговоров и радиоэлектронной разведкой. Имена сотрудников отдела, компьютерных гениев, не фигурировали ни в одном штатном расписании, равно как и сам отдел не упоминался ни в одном официальном документе.

Именно этим сверхсекретным сотрудникам Ядлин и поручил, по просьбе ЦРУ, разработку системы связи, способной обмануть ушлых компьютерных цензоров из иранского «Министерства информации». Гении «Отдела-8200» не подвели: спустя несколько дней предложили совершенно анонимный, не затратный и даже элегантный в исполнении вариант связи. Базировался он опять-таки на неувядающем опыте нацистской Германии, вернее, службы внешней разведки, возглавляемой тогда Вальтером Шелленбергом.

Виртуозный метод, который сам директор ФБР Гувер называл «немецким шедевром», заключался в том, что в годы Второй мировой войны немецкие агенты использовали для передачи информации самые обычные открытки и письма, вставляя в них микроточки. Микроточка представляла собой крошечную фотографию размером с обычную точку, которая клеивалась на место знаков препинания. Внешне послания не вызывали никакого подозрения и могли содержать до двадцати таких точек. А каждая из них, в свою очередь, могла вмещать в себя не только тексты, но и чертежи. Чтобы вычислить каналы утечки информации и расшифровать в итоге столь изощренный метод конспирации немецких агентов, американцам в свое время пришлось изрядно попотеть.

В новой же, израильской версии контейнером, содержащим, наподобие вируса, секретную информацию, выступали безобидные электронные письма и фотографии, которые Джин получала якобы от «родственников» из Ирака. И теперь она могла, не покидая миссии Красного Креста, не только читать сообщения от Дэвида, но и отвечать ему. А переписку с жалобами жены Ахмета на свекровь, рассказами самого Ахмета о планах перестройки дома и описанием бесчисленных болезней тетушки Фариды можно было вести бесконечно. Ибо у любого читающего её цензора быстро притупится внимание, и он не заметит внедренный в послание и сложнейшим образом замаскированный в нем файл. Извлечь же и раскрыть этот файл можно было только с помощью кодовых слов и паролей, но Джин хранила их в памяти. И теперь компьютер служил единственной ниточкой, связывавшей её с прежней жизнью, единственным каналом для получения совета и поддержки, единственным способом дать знать родным, что она жива и здорова.

Для кодирования информации использовались пробелы и другие свободные места в текстах, в связи с чем файлы намеренно делались многокомпонентными. Каждый компонент имел узкую доступную стартовую часть, а секретная часть, намного большего размера, наполнялась никому не заметной информацией. При этом на общий вид картинки объем файла совершенно не влиял. Если для

передачи информации использовались фотографии, то в них основная ставка делалась на младшие цифровые разряды, и определить визуально, что данная фотография содержит секретный рисунок или текст, тоже было невозможно. Фотографии уже сами по себе имеют большой объем, поэтому при изобретении данной системы связи израильские специалисты исходили как раз из всем известной истины, что лучше всего иголку прятать в большом стоге сена. Для пущей надежности информация была раздроблена и файлы намеренно перепутаны. Так что если даже допустить гипотетически, что какому-то выдающемуся иранскому умнику удастся вычислить вложения и извлечь их, он увидит только очаровательные цветочки и сердечки, вылетающие из разных частей письма либо фотографии.

Подобное оформление красноречиво намекало на то, что полицейского Ахмета и его дальнюю родственницу Аматулу, прожившую в его доме несколько лет, связывают романтические чувства. И хитрые приспособления, которые Ахмету наладил один из сослуживцев, обслуживающих компьютеры в их общем офисе, чтобы тот мог скрыть электронно-почтовый роман от жены и других родственников, – всего лишь наивные уловки влюбленных. Для большей убедительности Ахмет даже делал иногда приписки между строк, вспоминая о прежних радостях общения и набирая фразы белым шрифтом на белом поле. То есть пользовался самым примитивным способом компьютерной конспирации, который мог освоить и ребенок. Так что, найди вдруг иранский умник-цензор в тексте розочки и сердечки при чтении душевно-эротических излияний Ахмета, его мысли заработали бы именно в таком направлении.

Сам Ахмет ничего, разумеется, не писал: он лишь набирал тот текст, который ему приносили, или вставлял его в уже готовый файл. И, конечно же, даже не подозревал о своей влюбленности в родственницу, поскольку ни одного собственного признания и в глаза не видел. В отличие от Джин и цензора-эксперта из «Министерства информации».

Джин отвечала Ахмету в том же духе и тоже пользуясь тайной белой строкой, но более сдержанно, как и подобало мусульманской женщине. Однако Ахмет не прочитал и ни одного её ответа, поскольку производить какие-либо манипуляции с полученными файлами ему категорически возбранялось. К тому же доставленную на его компьютер информацию люди Уитенборна сразу же забирали на дешифровку.

Чтобы розочки и сердечки открылись и сложились в определенный текст, нужно было воспользоваться определенным шифром. Тем самым, который Джин держала в уме. Полученный текст проходил двойную дешифровку с помощью кодов, известных только ей, майору Уитенборну и отвечавшему за технический аспект связи секретному специалисту из Моссада. Расшифрованная информация хранилась на мониторе считанные секунды, и считать её иранскими сканерами было за столь короткий срок попросту невозможно. А потом она бесследно исчезала.

Для особых случаев обмена информацией был предусмотрен еще один канал связи, выполненный по технологии передачи через побочные излучения последовательного порта с подключенным кабелем устройства в качестве антенны. Этот канал был довольно сложным в управлении, зато совершенно неподконтрольным иранским цензорам. Хотя переданную по нему информацию можно было принять с помощью самого примитивного приемника, в том числе на мобильном телефоне. Но данный канал считался резервным, и пользоваться им вменялось лишь в случае близкой, ощутимой слежки.

* * *

Надев тонкие эластичные перчатки, Джин нажала на клавиатуре несколько клавиш в определенной последовательности, и из фотографии с улыбающимися мальчиками-футболистами выскочили мелкие розовые и красные розочки с сердечками, которые, попорхав по монитору, стали складываться в одно большое, пронзенное стрелой сердце. Использование перчаток было одним из обязательных требований в работе с шифровками: если вдруг, в случае обыска, компьютер заберут, иранцам будет труднее узнать, какие клавиши нажимались чаще всего. Попутно перед Джин стояла задача как можно чаще нажимать на клавиши, не используемые при секретных манипуляциях, поэтому на них она завела коды, касающиеся её основной, медицинской работы.

Еще несколько секретных комбинаций с клавишами, и вот сердце вновь рассыпалось на сердечки и розочки, а те, в свою очередь, сложились в безобидный текст довольно корявого четверостишия, якобы сочиненного Ахметом для своей возлюбленной. Из них-то, после очередной серии комбинации, и появился наконец текст основного послания.

«Великий Герцог Черному Орлу...»

Решив не изменять привычке и любимому фильму Коппола – «талисману удачи», как они шутили, – оставили позывные, с которыми работали в Ираке.

«По данным воздушной разведки, в квадрате 35 к юго-востоку от города установлены зенитные батареи. Они тщательно замаскированы, так что обнаружить их удалось не сразу. Это свидетельствует о наличии в данном месте важного стратегического объекта национального значения, связанного, вероятно, с ядерной программой. Установка батарей свидетельствует о скором введении объекта в действие. Возможно, этот объект как раз и является новым заводом с условным названием “Роза”. Согласно последним агентурным данным, помимо оборудования для обогащения урана в комплексе функционирует секретная линия по производству деталей центрифуг, до сих пор скрываемая от экспертов. Черному Орлу приказывается уточнить координаты завода и спектр проводимых там работ, а также подготовить условия для проведения кибератаки, аналогичной проведенной ранее, для вывода центрифуг из строя. Необходимо также уточнить, не является ли объект “Роза” одним из фигурантов проекта по созданию мощностей, направленных на производство топливных сборок реакторов. Последнее вполне возможно, так как, согласно полученным с израильских спутников снимкам, предполагаемый объект занимает весьма обширную площадь. Все родственники здоровы. Джек принят на подготовительное отделение Вест-Пойнта».

Повисев несколько секунд, текст растворился, и вот уже на Джин с экрана монитора снова смотрели улыбающиеся мордашки сыновей Ахмета. «Джек принят на подготовительное отделение Вест-Пойнта», – повторила она мысленно, закрыв глаза. Оказавшись во враждебной чужой стране одна, Джин могла позволить себе воскресить лица родных и любимых людей лишь в памяти. И то ненадолго, иначе ностальгия могла подействовать как яд и подорвать её эмоциональное состояние. А для поддержания легенды и выполнения задания в условиях постоянной слежки стабильность нервной системы была необходима ей как воздух. Ведь даже непонятная тайная грусть могла показаться врагам подозрительной.

Тем не менее короткая весточка от Дэвида придала Джин сил. В прошлый раз он сообщил, что Майк вернулся из Ирака и проходит подготовку на базе Форт-Беннинга для получения звания подполковника. «Майк просил передать, что будет ждать тебя, сколько придется», – написал тогда Дэвид, и она, прочитав

эти несколько слов, чуть не расплакалась. Джин боялась даже думать, что в её отсутствие Майк увлечется другой женщиной. А ведь он молод, и соблазнов в его окружении предостаточно. Случись подобное, потеря Майка стала бы, пожалуй, самой главной её жертвой Соединенным Штатам. Если, конечно, не считать жизни, с которой здесь, в Иране, можно расстаться еще быстрее.

Майк не хотел, чтобы она летела в Иран. Да и кто бы, интересно, захотел подобного риска для близкого человека? Но другого выхода всё равно не было, и Майк смирился с решением ЦРУ. В последний вечер перед её отлетом он надел ей на безымянный палец левой руки кольцо, но уже спустя несколько часов, отправляясь в аэропорт с началом рассвета и не став будить Майка, она сняла его. Оставила дома.

Конечно же, Майк волновался за нее. Как и мама, Наталья Роджерс-Голицын, член исполнительного комитета Международного Красного Креста, собственной рукой вписавшая свою единственную дочь, пусть даже и под чужой фамилией, в список отправляющихся в Иран специалистов. Но ни мама, ни отец, полный генерал в отставке Том Роджерс, герой Вьетнама, не выказывали своих переживаний явно. Оба прекрасно понимали, какая опасность грозит их дочери в далекой враждебной стране, но когда она разговаривала с ними по телефону перед отлетом, ни словом не обмолвились о своих истинных чувствах.

А еще там, на родине, остался Джек Тоberman, её воспитанник и верный юный друг. Он пережил смерть отца, погибшего 11 сентября 2001 года в разрушенной пилотами-террористами Южной башне ВТЦ, мужественно держался во время тяжелой болезни матери, стойко перенес её уход. Кэрл Тоberman умерла от лейкемии год назад. Болезнь могла бы унести её еще раньше, в 2004 году, но ремиссия, которой врачам удалось добиться невероятными усилиями, продлилась пять лет, и Кэрл смогла даже не только ходить, но и дожидаться, когда сын окончит школу и станет почти взрослым. Ухудшение наступило внезапно. Новая атака заболевания оказалась настолько стремительной и беспощадной, что повторить чудо исцеления врачи уже не смогли: Кэрл ушла, даже не придя в сознание. Но от своей матери Джин знала, что на изможденном лице покойной запечатлелось удивительное спокойствие, которое словно бы знаменовало долгожданное избавление от ужасных физических страданий. Впрочем, так оно, наверное, и было. Ведь единственное, ради чего Кэрл боролась за жизнь последние годы, – это достижение Джеком совершеннолетия. Она не хотела, чтобы сын остался сиротой слишком рано. И это ей удалось. Она даже разрешила ему стать военным.

Когда-то Пэтти, жена Джека Тобермана-старшего, напуганная гибелью мужа во Вьетнаме, категорически запретила сыну Крису идти по стопам отца, и он стал финансистом. Но в черный день 11 сентября смерть настигла его на рабочем месте – в одном из офисов горящей Южной башни. И тогда Кэрол разрешила Джеку исполнить отцовскую мечту – продолжить династию Тоберманов в Вест-Пойнте. Потому, возможно, и ушла из жизни спокойно: знала, что в армии сын не будет чувствовать себя одиноко, что помимо куска хлеба и крыши над головой всегда будет иметь еще и уважение окружающих. И оказалась права: благодаря армии Джек действительно нашел свое место в жизни. Теперь он – уже кадет Вест-Пойнта. Конечно, Дэвид не мог прислать Джин фотографию Джека в кадетской форме – это было слишком рискованно, но она и так могла себе его в ней представить. Безусловно, Джек был красив. И очень похож на своего деда – неумоимого и веселого лейтенанта Джека Тобермана, друга и сослуживца её отца. Джин с детства знала его по фотографиям.

Однако воспоминания все-таки расслабляют: Джин почувствовала, как к глазам подступили слезы, а в горле застрял комок. Невыносимо захотелось во Флориду, к отцу и матери. Хотя бы на минуточку, хотя бы на миг. Потом – к Майку в Форт-Беннинг. Только коснуться губами его губ, только почувствовать рядом его дыхание и – назад. Но, увы, это невозможно. А значит, нужно взять себя в руки и задуматься над выполнением нового задания Дэвида.

* * *

Джин встала, снова подошла к окну. Яркая голубая подсветка озаряла устремленные ввысь колонны дворца Али Капу на площади Имама, черные воды реки мерцали под ясным, усеянным крупными звездами небом. «Я хочу, чтобы вокруг не было никаких стен, только вода и звездное небо над нами! Только небо, вода и мы», – так говорил своей возлюбленной больной лейкемией юноша в одном иранском кинофильме, снятом еще при шахе. Джин тоже захотелось оказаться сейчас с Майком посреди этой природной красоты, обрамляющей творения рук человеческих. И чтобы никого больше рядом не было. Особенно иранских революционеров с их навязчивой идеей создания атомной бомбы.

Впрочем, в последнее время политический климат в Иране начал, кажется, меняться. Во всяком случае источники из высших эшелонов власти сообщали об обострении противоречий между президентом Ахмадинежадом, поддерживающим новое поколение молодых технократов, и верховным лидером

аятоллой Хаменеи, отстаивающим позиции «старых революционеров в чалмах». Так, в недавнем выступлении по телевидению последний отчетливо дал понять, что готов вмешаться в политические дела страны, если интересам нации будет угрожать опасность, хотя раньше предпочитал держаться в стороне от текущей политики, позиционируя себя беспристрастным арбитром. Другими словами, этим выступлением аятолла напомнил всем, что на самом деле во главе государства стоит не светский, а духовный лидер, то есть именно он. По сведениям, которыми располагала Джин и которые она немедленно донесла до своих начальников в Лэнгли, конфликт между аятоллой и президентом начался из-за попытки Ахмадинежада взять под контроль «Министерство информации»: видимо, ему надоела непрерывная слежка как за членами правительства, так и за ним самим.

В Штатах на сообщение Джин отреагировали спокойно. А Дэвид в одном из ответных посланий написал: «Еще неизвестно, кто для нас в Иране лучше: обладающие большим политическим опытом консервативные муллы, которых мы изучили вдоль и поперек, или потихоньку сворачивающие с пути «хомейнизма» на дорожку персидского радикального национализма инженеры-суперреволюционеры, поддерживаемые Ахмадинежадом. Действия последнего непредсказуемы для нас так же, как для стран, соседствующих с Ираном. В том числе для Ирака».

Однако внутренняя ситуация в Иране требовала коренных перемен уже сама по себе. Экономика «трубы» прочно вошла в стагнацию, безработица, особенно среди молодежи, зашкаливала. Едва ли не единственным проектом, пользующимся всеобщей поддержкой и, по сути, цементирующим нацию, оставалась ядерная программа, предмет гордости иранцев.

Пестрая стайка голубей уселась на освещенный поребрик бассейна: решила, видимо, передохнуть по пути домой на ночевку. Джин несколько мгновений смотрела, как птицы перескакивают с одного места на другое, постукивая друг друга клювами. Разведение голубей в Иране – часть городской культуры, голубятни имеются почти у каждого. Согласно местному поверью, голуби приносят удачу и благословение заботящимся о них людям. К тому же голубиный помет довольно долго был единственным удобрением в сельском хозяйстве Ирана, им дорожили. А подобных голубиных расцветок – голубых, красных, зольно-серых и мраморно-белых – не встретишь больше нигде в мире. Голубей здесь даже тренируют, обучая выполнению разных кувырков, и они потом соревнуются в продолжительности, высоте и красоте полета. Поглазеть

на такие соревнования собираются обычно жители почти всего города.

Местные голуби были преданы своим хозяевам не меньше собак и легко находили дорогу домой. Вот и эта стайка птиц – коричнево-серых, среднего размера, с удлиненным оперением и характерными пышными хохолками на красивых круглых головках, – вспорхнула спустя несколько минут с бортика бассейна и улетела восвояси. Черная гладь воды чуть всколыхнулась, отразив на миг их вытянутые ребристые силуэты, и снова застыла неподвижно.

Вздохнув, Джин вернулась к столу, села в кресло перед компьютером, безучастно взглянула на улыбающихся ей с монитора сынишек Ахмета. Теперь это была только фотография. Контейнер опустел, переместив всю секретную информацию в её голову. Задание было получено, и для его выполнения требовалось собрать немалое количество сведений. Времени требовалось еще больше, а продолжительность деятельности Джин на территории Ирана зависела, как бы это ни парадоксально звучало, от продолжения здесь цепи разрушительных землетрясений. Но тут уж оставалось полагаться только на волю Всевышнего.

Итак, для осуществления кибератаки сначала нужно раздобыть где-то коды защитных систем, чтобы потом сканировать и подавить их, а Джин пока даже не знала, где конкретно находится объект «Роза». Горная местность на территории 35-го квадрата ей была известна (карту Ирана с соответствующим разделением на квадраты Джин выучила наизусть еще в Америке), но ничего даже отдаленно похожего на военный и тем более на ядерный объект там не наблюдалось. Значит, данные американской разведки верны: опасаясь неожиданного воздушного удара со стороны Израиля, иранцы укрыли свои центрифуги в подземных бункерах глубоко в горах. Ведь любому специалисту было известно, что Израиль не располагает пока бомбардировщиками дальнего радиуса действия, оснащенными точными бомбами типа нейронных B61-11, которые способны «вскрывать» многометровые бетонные покрытия хорошо укрепленных подземных бункеров.

Чтобы Штаты предоставили Израилю такое оружие, нужно было найти повод. Задача Джин в том и состояла: обнаружив объект «Роза», предоставить информационный повод для его бомбардировки. Вернее, для поставки вооружения, необходимого для проведения такой бомбардировки, на Ближний Восток. Тогда спесивые иранские муллы сразу стали бы сговорчивее.

Однако нельзя было сбрасывать со счетов сотрудничество Ирана с Россией. И не только в их совместном строительстве атомной станции в Бушере, служившей, по сути, прикрытием для иранской ядерной программы, но и в области закупки вооружений. Американская разведка располагала данными, что Россия намеревается поставить в Иран зенитные комплексы ТОР-1М и С-300, а это крайне затруднило бы проведение любой силовой акции.

Убедить Россию расторгнуть контракты с Ираном можно было и дипломатическим путем, но лишь пойдя на серьезные уступки и очень выгодные для нее предложения. Американцы над этим вопросом сейчас как раз работали, и мать Джин, бывшая русская княгиня, эмигрировавшая из СССР во Францию, даже шутила: «Хорошо, что Россию можно теперь хоть в чем-то убедить. С Советским Союзом подобный номер ни за что не прошел бы». Но поскольку позиция России продолжала оставаться для Джин не совсем понятной, она еще до отъезда в Иран как-то спросила у матери:

– Мама, ты ведь родилась в этой стране и всё о ней знаешь. Объясни, почему русские помогают Ахмадинежаду в изготовлении ядерной бомбы? Разве они не понимают, что иметь ядерный Иран под боком – проблема и для них тоже? К тому же производство ядерной бомбы влечет за собой большие расходы, так не лучше ли наращивать собственный потенциал? Или русским больше не на что потратить деньги?

Оторвавшись от созерцания с балкона океанских волн, с пенистыми брызгами разбивающихся о берег, мать вздохнула и после недолгой паузы ответила:

– Да, я родилась в России. И до сих пор считаю её своей единственной и настоящей Родиной. И ни одна другая страна, как бы хорошо мне ни жилось в ней, так и не стала мне роднее России. Моя родина по-прежнему там, где мелкий дождь днями напролет поливает каменных коней на Аничковом мосту. И где троллейбусы, сворачивая на Невском к Исаакию, поднимают фонтаны грязи... Но почему русские помогают Ахмадинежаду, я не знаю. Хотя подозреваю, что они не столько помогают иранцам, сколько ставят палки в колеса американцам. Таковы уж издержки советской политики и советского менталитета. В сознание русских плотно внедрена мысль, что всё, что хорошо для Запада, плохо для них. Хотя русский царь Петр Первый давно и благополучно доказал обратное. Ты врач, Джин, – она повернулась лицом к дочери, и ветер шевельнул её скрученные на затылке каштановые волосы, подернутые на висках сединой, – и знаешь сама, что после удаления раковой опухоли в организме человека часто

остаются метастазы. И если их не подавить в зародыше, позднее они породят еще с десятков смертельных опухолей. Так вот коммунизм можно сравнить со страшной злокачественной опухолью, метастазы которой всё еще гниют в теле России. Русские хотят чувствовать себя пупом земли. Пусть без порток, как они сами говорят, зато вооруженными до зубов. Хотят, чтоб их все боялись. Они пекутся о власти военной, напрочь забыв об аспекте моральном. Равно как и о том авторитете, который был у России при царях. Помнишь, мы читали с тобой Пушкина, когда ты была маленькая? «Иль русского царя уже бессильно слово?» – писал он. – Грустная улыбка обозначила в уголках губ матери тонкие морщинки. – А иранцы... Иранцы всего лишь повторяют политику СССР, ведь многие из них при ней и на ней выросли. Их правительство тоже эксплуатирует образ врага, совершенно не заботясь при этом о собственном народе. Потому что, как и российское, жить с этим народом до конца своих дней не собирается. И я, кстати, не исключаю, что Иран обманывает русских так же, как и нас, ловко используя их наработки. Плести интриги на Востоке умеют не хуже большевиков, это я точно знаю.

– Но ведь те русские и украинцы, с которыми мы работали в Ираке, оказались очень даже неплохими ребятами, – напомнила Джин. – Я, если честно, так и не заметила между ними большой разницы. Разве что в языке немного...

– Между теми, кто родился и вырос в Советском Союзе, разницы вообще практически не существует. – Покинув балкон, мать вошла в комнату, включила кофеварку. – И я не говорила, что они все поголовно плохие. А уж русский народ я и вовсе считаю самым лучшим на свете, поскольку он мне родной. Даже живя на другом конце земли, я никогда не забывала об этом. И порой невыносимо страдала от невозможности вернуться на родину. А дурные люди всегда были, есть и будут везде. Просто здесь, на Западе, все давно научились сохранять внешний лоск и прикрывать свои пороки лицемерием, а русские более открыты, и многих эта их открытость пугает.

– Мама, а сейчас ты уехала бы из России?

– Зачем? – Мать неопределенно пожала плечами и снова удалилась на балкон. – Не вижу резона. – Помолчала. – Мой отец так вот и не решился уехать из страны, где родился и которой служили его предки. Потому что и помыслить не мог, что в ней, православной и благословленной Господом, станут убивать людей без суда и следствия. Что усилиями большевиков матушка-Россия превратится из обители Богородицы в пристанище дьявола. Многие до сих пор считают, что в

России всё произошло по Достоевскому, по его роману «Бесы». Но даже Достоевский, я думаю, не мог в конце девятнадцатого века предугадать весь масштаб грядущего бедствия. А ведь он, в отличие от моего отца, был гениальным провидцем. Но отец остался в России и... погиб. А мы с Лизой, моей сестрой и твоей тетей, сбежали. И не потому, что искали лучшей жизни, богатства и обеспеченности, нет. Мы бежали лишь для того, чтобы выжить. А в России нас ждали либо лагерь, либо расстрел. Теперь же там можно и жить, и заниматься любимым делом, хотя симптомы коммунистической паранойи будут проявляться, я думаю, еще долго. Тем не менее сейчас я бы оттуда не сбежала. И Лиза, я уверена, тоже. Впрочем, она давно уже вернулась на родину, а я... Я добиваюсь разрешения открыть в родном Петербурге филиал нашей благотворительной клиники. Хочу, чтобы он функционировал на тех же основаниях, что и в Европе с Америкой.

– А Саня Михальчук по-прежнему говорит, что они не позволят, пока ты им откат не отпилишь? – рассмеялась Джин. – Я правильно его выраженьице запомнила?

– Обойдутся, – решительно хлопнула мать ладонью по перилам. – Иначе если в Кракове и Киеве такие филиалы откроют, а в России нет, мировая общественность быстро поймет, что никакой она не гуманитарный центр мира, а обычная коррупционная дыра. Так что я не отступлюсь и рано или поздно всё равно добьюсь своего.

– Бабушка не зря говорила, что только на тебя может оставить свое дело. – Джин подошла к матери, обняла её. – Тебя не сломать ни органам НКВД, ни диктатуре КГБ, ни нынешней «Единой России».

– Ох, не напоминай мне, пожалуйста, об этих доморощенных депутатах, – брезгливо передернула мать плечами. – Мне хватило встреч с ними в Страсбурге и Женеве. Только и зыркали по сторонам, что бы еще прибрать в карман. Слава богу, в России я имею дело с МИДом, а там еще остались порядочные люди. Но кто бы мог подумать, что с открытием клиники в моем родном Петербурге у меня возникнут такие трудности?! Каким-то безголосым певичкам отдают на откуп целые театры, а для благотворительной клиники у них, видите ли, свободных зданий нет! Ведь поначалу мою просьбу даже рассматривать не хотели... Ой, Джин, подожди, кажется, кофе готов! – Она упорхнула в комнату и уже оттуда, разливая кофе по чашкам, продолжила: – Даже такие выдающиеся личности как Черчилль, де Голль и Эйзенхауэр всегда отвечали на адресованные им письма... Рейхсфюрер Гиммлер, и тот отвечал! Потому что оставить чье-то письмо без

ответа испокон веков считалось неприличным. А губернаторша Санкт-Петербурга – молчит. Я ей одно письмо, второе, третье, а в ответ – ни полслова. Она, видите ли, не считает это важным! Ну конечно, откуда ж ей, уроженке заштатного украинского городка, знать, что на письмо от организации, трижды удостоенной Нобелевской премии мира за оказание помощи людям, пострадавшим от стихийных бедствий и экологических катастроф, организации, удостоенной всех самых престижных гуманитарных наград, отвечать надо немедленно?! Да и для чего вообще она занимает столь высокий пост, как не для того, чтобы отвечать на письма граждан и исполнять их волю? Ан нет. Кто для нее русская княгиня Наталья Роджерс-Голицына? Да никто! Пустой звук. – Мать вынесла кофе на балкон, поставила поднос на столик. – Пришлось просить доброго товарища и соратника Петра Петровича Шереметева, чтобы отнес нашу бумагу прямо в Кремль и вручил кому надо. А заодно чтоб и на нерадивую питерскую губернаторшу пожаловался. Сработало вроде. Правда, там мне сразу предложили в Москве клинику открыть, но я отказалась. Раз уж, говоря, родилась в Петербурге, значит, только в Петербурге жить и работать буду. В общем, наобещали опять с три короба, а воз и ныне там. В Киеве открыли быстрее. Ну да ничего, я терпеливая...

* * *

«Интересно, удалось ли маме победить российскую бюрократию?» Увы, мама сейчас далеко – не спросишь. А Дэвид сообщать об этом в засекреченных сообщениях не станет: не первой важности информация. Здоровье и жизнь близких и любимых людей куда важнее. И это правильно. В Америке приоритет всегда отдается тем, кто дорог. Не бюрократам же...

В дверь постучали, и Джин закрыла электронное письмо.

– Войдите.

– Ханум, – на пороге появилась сияющая Марьям, – я принесла кофе. А мой двоюродный брат прислал нам разные лакомства.

«Нет, не зря все-таки говорят, что мысль материальна и подобное притягивает подобное, – подумала Джин. – Стоило мне вспомнить, как мы с мамой пили кофе, и вот вам, пожалуйста, угощение».

Даже на территории миссии Красного Креста Марьям, как истая мусульманка, не снимала ни платка, ни длинных одеяний. Она осторожно вошла в комнату и поставила перед Джин поднос с кофейником, чашкой и широкой стеклянной тарелкой, доверху наполненной восточными сладостями.

– Брат сказал, что всё очень свежее. Вам должно понравиться, ханум.

– Спасибо, Марьям. И передай мою благодарность брату, – улыбнулась Джин.

Двоюродный брат Марьям содержал кофейню в Исфахане, недалеко от площади Имама. По профессии он был кондитером, что считалось на Востоке очень почетным, ведь персидские сладости испокон века чрезвычайно ценились во всем мире и слыли одними из самых изысканных. Каждый повар-кондитер имел свои секреты, которые тщательно охранялись и передавались исключительно по наследству.

– Выбирайте, ханум. Здесь и халва с фисташками и миндалем, и конфеты сухан с орехами, и нуга очень вкусная...

– Сама-то хоть попробовала?

– Ой, я уже много всего съела, даже стыдно, – девушка приложила палец к губам, как бы запрещая себе прикасаться к лакомствам. – Брат ведь целую коробку всяких вкусностей прислал...

– Можешь взять еще, – придвинула к ней тарелку Джин.

– Ну, если только две конфетки, – робко протянула руку Марьям.

– Бери сколько хочешь, не стесняйся, – поощрила Джин.

– Спасибо, ханум.

Вытянув из тарелки две конфеты, а потом еще две, Марьям смутилась и убежала.

Как только дверь за ней закрылась, Джин вернулась к размышлениям о кибератаке. Похоже, единственным доступным средством воздействия на иранскую ядерную программу в нынешней ситуации и впрямь оставался лишь компьютерный вирус.

Джин знала, что ЦРУ давно рассматривало вопрос об уничтожении иранских ядерных объектов и даже готовило для заброски в Иран террористов (своеобразный клон Аль-Каиды). Впоследствии несколько подготовленных групп действительно пересекли границу со стороны Ирака и оказались на территории Ирана, где должны были опереться на содействие подпольной оппозиционной группировки ОМИН и боевиков курдской организации, противостоящих режиму в Тегеране. ОМИН (Организация Моджахедов Иранского Народа) была создана в 1965 году иранскими студентами, поставившими перед собой цель свергнуть режим шаха. Члены ОМИН поддерживали Хомейни, но после победы революции лидеры этой группировки кардинально разошлись во взглядах с клерикалами и вынужденно перешли на нелегальное положение. Основную часть «моджахедов» вытеснили в Ирак, откуда те и вели террористическую войну против тегеранских правителей. После свержения Саддама и оккупации Ирака ОМИН была разоружена американцами и, передав все свои связи в Иране, фактически взята под контроль ЦРУ. Заброска американских агентов в Иран прошла безупречно, однако «Министерство информации» тоже не дремало, и в итоге из нескольких групп сохранилась только одна. Но поскольку она не имела пока доступа к нужным объектам и, следовательно, не могла приступить к активным действиям, её решили временно законсервировать.

Сказать по чести, компьютерные атаки, на которые сделал ставку генерал Ядлин, тоже пока не всегда удавались. Во всяком случае первая акция по выводу из строя программного обеспечения Бушерской АЭС, осуществленная совместными усилиями спецслужб США и Израиля, нужных результатов не принесла. Первый промышленный вирус Stuxnet был запущен из лабораторий Тель-Авива и Техаса, разрушил коды защитной системы SCADA, но был обезврежен иранскими программистами. Из строя удалось вывести только несколько персональных компьютеров сотрудников АЭС, а основная система осталась неповрежденной.

Иран немедленно обвинил германский концерн Siemens, который разработал оборудование и программное обеспечение для иранской АЭС, в разглашении коммерческой тайны, чем якобы сделал кибератаку врага возможной. Однако на самом деле, Джин знала это точно, репутация Siemens пострадала напрасно. На

самом деле коды системы SCADA были считаны с помощью новейшей программы сканирования излучений, пересланной ей из Израиля в одном из информационных контейнеров. Именно благодаря этой программе Джин и её помощникам удалось не только считать коды защитной системы SCADA, но и благополучно переправить их в Израиль, а там уж за их обработку взялись лучшие компьютерные программисты.

Джин повернулась, чтобы налить себе кофе, край рукава случайно задел мышь, и на мониторе высветилась репродукция картины Рафаэля Санти «Снятие с Креста». Мысли тотчас перенеслись в Париж...

* * *

...Характерным жестом отбросив волосы назад, Наталья Голицын несколько мгновений молча смотрела на светившуюся на экране её компьютера в кабинете парижской клиники точно такую же репродукцию, потом сказала:

– Я часто смотрю на это творение Рафаэля, считаю его чем-то вроде талисмана. И еще оно служит мне постоянным напоминанием...

– Напоминанием о чем, мама? – Джин присела рядом, тоже перевела взгляд на экран компьютера.

– О том, что роль человека в этом мире не так уж мала, как порой кажется, – ответила мать. Помолчав, пустилась в воспоминания. – Я была с мадам Маренн, твоей бабушкой, в Италии, когда узнала, что моя сестра Лиза решила вернуться в Россию. Руди Крестен, бывший офицер дивизии «Дас Рейх» и близкий друг Лизы, сообщил мне, что она уже оформила все документы и скоро уедет. Меня охватило отчаяние: я была уверена, что сразу по возвращении на родину Лизу ждет верный арест. Поделилась своими опасениями с мадам Маренн. Выслушав меня, она неожиданно спросила: «Натали, ты помнишь картину Рафаэля Санти, которой мы с тобой долго любовались в Ватикане?». Я удивилась: при чем здесь картина? Пожав плечами, ответила вопросом на вопрос: «Ты имеешь в виду изображенную на картине “Снятие с Креста” библейскую сцену?». Помню, Маренн тогда чуть заметно улыбнулась; ты знаешь, как она умела это делать, практически одними глазами. А потом сказала: «Это очень важная сцена, Натали. Задумайся, вспомни. Христос умер. Его больше нет. Бездыханное тело Сына Божьего держат на руках ученики. Рядом, почти лишившись чувств, стоит

Богоматерь. Её поддерживает Мария Магдалина. Фактически Богоматерь в этот момент тоже отсутствует. Человеческий мир остался без Бога, один на один со Злом. О грядущем Воскресении Христа никому еще неизвестно. А ведь собравшиеся у Его тела ученики – всего лишь люди. Такие, как мы с тобой, Натали. Они еще не святые, их изображениям еще не посвящают канонические иконы и храмовые фрески. Они пока просто обычные живые люди, недавние грешники: Матфей, бывший сборщик податей, в прошлом падшая женщина Мария Магдалина... Но все они поверили в Христову проповедь о Добре и Прощении и избрали смыслом своей жизни служение Ему. И именно на них, обычных людей, Христос, уйдя из земной жизни, оставил мир. Ты помнишь, Натали, в каких красках Рафаэль изобразил эту сцену? Казалось бы, произошло мрачное событие, возможно, самое страшное из тех, какие только могут произойти. Бог оставил мир на растерзание Злу, и, возможно, вот-вот наступит эра торжества дьявола. Однако вместо подходящих сцене трагических темных тонов Рафаэль неожиданно использует излучающие свет нежно-голубые, зеленые и золотые краски, сопровождая их свойственной его кисти плавностью линий. И благодаря избранному художником приему в картине торжествуют гармония, душевная ясность и... надежда на человека. Вместе с Господом Рафаэль надеется на самых обычных людей вроде сборщика податей и падшей женщины. Они верят в то, что те выстоят. Что удержат, подобно древнегреческим атлантам, мир на своих плечах на протяжении всего страшного и мучительного периода от Страстной пятницы до Воскресения Христова. И эта традиция, Натали, сохранилась до сих пор: когда Бог по каким-то причинам замолкает, Злу противостоят люди. И, поверь, неплохо справляются с этим, ведь иначе Господь никогда не позволил бы Своему Сыну родиться от земной женщины. Бог всесилен, но и от человека подчас зависит очень многое. К чему я веду? Да к тому, что в России, руководимой большевиками, Бог на время умер. Его там и по сей день нет. Но это не значит, что среди русских не осталось людей, способных бороться за Добро. Да, да, Натали, в отсутствие Бога этим занимаются люди с божьей искрой, которую мы называем душой. И твоя сестра поступает правильно. И цель её благородна, ведь она возвращается в Россию, чтобы вернуть доброе имя своим друзьям – отдавшим за Родину жизни, но впоследствии опороченным клеветой». И тогда я впервые задумалась, – призналась мать, – что, наверное, зря уехала из России. Что надо было побороть трусость и остаться.

– Ты поделилась своими сомнениями с бабушкой? – спросила Джин.

– Конечно. Я никогда от нее ничего не скрывала.

– И что она сказала?

– Сказала, что Бог всегда предоставляет человеку свободу выбора, и тот сам решает, какой дорогой ему идти. И что для борьбы со злом нужны не только физическая сила и душевная отвага, но и знания. «Ты уехала на Запад, чтобы приобрести знания, в получении которых тебе было отказано на родине, – сказала она. – Ведь знания, помноженные на твои природные отвагу и ум, представляли бы для большевиков серьезную опасность. Им удобнее управлять людьми, мыслящими фрагментарно и узко, сугубо в какой-то одной конкретной области. Впрочем, этим грешит не только советская, но и любая другая тоталитарная власть. И даже официальная церковь, к слову. Приобретение знаний позволено лишь очень узкому кругу людей, связанных с властью предержащими идеологически и поработанных духовно. А инакомыслящие просто уничтожаются. Тебе же, Натали, повезло и вырваться, и приобрести знания. И означает это только одно: что у тебя своя дорога в жизни. Отличная пока от дороги сестры, но, я думаю, когда-нибудь тебе тоже выпадет шанс послужить своей стране. Только теперь ты сможешь принести ей гораздо больше пользы, чем могла бы принести сталинской России». И вот теперь я вижу, что мадам Маренн, как всегда, оказалась права, – улыбнулась мать. – Сейчас я действительно могу сделать для своей страны намного больше, чем раньше. А если бы осталась, не сбежала бы вовремя, давно бы уже скорее всего умерла в лагере, не выдержав издевательств энкавэдэшников. Конечно, Зло в России по-прежнему обитает, оно живучее, но его власть значительно уменьшилась. И в основном благодаря людям, державшим мир на своих плечах в отсутствие Бога. Благодаря священникам, ученым, интеллигентам. Благодаря как знаменитым личностям вроде Флоренского, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, так и благодаря простым, никому не известным людям, замученным в ГУЛАГе и других лагерях. В том числе благодаря таким как моя сестра, не побоявшаяся вернуться, чтобы бросить Злу вызов. Теперь настала моя очередь. Вернее, наша, Джин. Твоя и моя. Как думаешь, сможем мы удержать мир на своих плечах? – она снова улыбнулась.

– Не думала, что бабушка так хорошо разбиралась в христианстве, – невпопад ответила Джин, всё еще находясь под впечатлением рассказа матери. – Всегда считала её атеисткой.

– Ну что ты, она никогда не была атеисткой, – покачала головой мать. – Просто не любила официальную церковь и священников. Как, впрочем, и любую власть, и любых чиновников, будь они светскими или религиозными. Маренн ведь

родилась в строгой католической семье и поэтому очень хорошо понимала связь человека с Богом. И если подумать, то, наверное, неспроста именно её Господь наградил талантом возвращать людям жизнь. Подобные таланты, я уверена, даруются только избранным. Правда, поцеловав Маренн в макушку при рождении, Господь уготовил на её долю и немало испытаний, но, думаю, лишь для того, чтобы проверить, достойна ли она своей избранности, выдержит ли? И Маренн выдержала, прошла весь свой земной путь достойно... Никто из нас не может пока сравниться с ней. Она ведь обладала способностью не только лечить человека, но и возвращать ему жизнь, практически вытаскивая с того света. Даже самые выдающиеся медицинские светила не понимали, как ей это удастся. Так что, полагаю, нет ничего страшного в том, что Маренн ушла без покаяния. Мне даже думается, что на земле и не сыскать такого священника, который бы достоин был права благословить её в последний путь. Уверена, это сделал сам Христос: встретив Маренн на небесах, отпустил ей все грехи и принял в Свое Царствие Господне. Ведь если тело мадам Маренн было так же слабо, как у любого другого человека, то дух ей был дарован великий. Смерть уступает только величию и святости – теперь, отлечив людей уже с полвека, я знаю это точно...

– Я помню, бабушке писал даже сам римский папа...

– Да, она состояла в переписке и с Павлом VI, – кивнула мать. – Это он удостоил её награды за заслуги перед страждущим человечеством. Однажды Маренн прочитала мне отрывок из его письма, и он мне почему-то запомнился. «Вы отдаете приоритет человеку даже перед Богом, – писал ей апостолик. – Задумываясь над Вашими словами, я убеждаюсь, что в них сокрыта неопровержимая правота. Христос имел в виду то же самое. Позднейшие толкования просто исказили его». – Снова взглянув на монитор, она добавила: – Кстати, копия этой картины Рафаэля висела в кабинете мадам Маренн в Версале, поэтому я тоже сделала её для себя настольной. И теперь всякий раз, когда мне приходится сталкиваться с непосильными на первый взгляд трудностями или чьей-то несправедливостью, когда начинает казаться, что Бог снова забыл о людях, я смотрю на эту картину и сразу понимаю, что если даже Бог забыл о нас, то виноваты в этом мы сами. И что надо бороться и идти вперед, и тогда свет спасения обязательно прольется. Конечно же, человек смертен. Но час его ухода из жизни определен свыше, и наш долг, долг врачей, – не позволить смерти вырвать его из жизни раньше, чем этот час настанет. Для того мы и несем свою вахту на земле. Самые обычные люди, которым приходится порой заменять собой Бога.

– Я тоже обязательно сделаю эту картину настольной, – пообещала Джин. – Буду смотреть на нее всегда, когда мне будет трудно, и вспоминать ваши с бабушкой слова. Вспоминать вас обеих...

* * *

Дверь открылась, щелкнув, но Джин даже не обернулась: не могла оторвать взгляд от монитора. Через мгновение на стол перед ней легла красная роза с длинным темно-зеленым стеблем, и отблески ренессансных красок Рафаэля, излучаемых экраном ноутбука двадцать первого века, отразились на её нежных лепестках. По сильным смуглым пальцам с темными ногтями и запаху лосьона, в котором аромат толченых лепестков кофе был смешан с ароматом любимых персами яблок, Джин узнала Шахриара.

– Спасибо. – Его пальцы продолжали сжимать розу, и она накрыла их ладонью. – Я не слышала, как ты вошел.

– Это Христос? – спросил он, не высвобождая руки.

– Да, картина Рафаэля Санти. Мне она очень нравится.

– Я видел репродукции его картин. Как и второго, которого ты тоже любишь, – Боттичелли.

– Эта картина из собрания Ватикана.

– Я знаю, они оба итальянцы. Жаль, что ислам не поощряет живопись и нам неведом лик Пророка. Мы можем только представлять себе, как выглядел Магомет и его сподвижники. – Лахути убрал наконец руку с розы, с нежностью коснулся волос Джин, накрутил один локон на палец. – Я отвык от женщин с распущенными волосами и в европейской одежде. Тебе всё это очень идет.

– Отвык? – удивленно повернулась она к нему.

– Мне сорок семь лет, не забывай. Я родился и вырос еще при шахе, совсем в другом, почти европейском обществе. Учился в университете на архитектора, хотел строить красивые современные дома из стекла и бетона. Как в Америке.

И моя первая девушка была похожа на тебя, – он притянул Джин к себе. – Она никогда не носила ни хиджаб, ни чадру – только джинсы и джемпер. А в баре, где работала танцовщицей, выступала в очень коротком платье, чтобы все могли видеть её красивые ноги. Мы слушали «Биттлз» и другую западную музыку и даже подумать не могли, что однажды всё это уйдет в прошлое.

– А где теперь та девушка?

– Ей пришлось бежать из страны. После революции танцовщиц приравняли к проституткам и стали отлавливать на улицах как бродячих собак, забивая, по исламской традиции, камнями. Мы с друзьями прятали Эке почти месяц, а потом помогли бежать через Ирак в Египет. Больше мы с ней не виделись. Я даже не получил от нее ни одного письма. Да это и неудивительно... – Шахриар опустил голову. – По правде говоря, я ведь и мусульманином-то тогда не был – продолжил, помолчав. – Скорее агностиком или даже атеистом, как большинство тогдашней молодежи. Но чтобы выжить в новых условиях, пришлось принять ислам, пойти на службу и даже взять второе имя – Мухаммед. Хотя никто меня так не называет, ни на службе, ни дома. Мой брат погиб в первые же недели ирано-иракской войны. Родители не хотели, чтобы я стал военным, но лучшего варианта для карьеры я не видел. Не в муллы же идти. А поскольку неженатый офицер стражей считался неблагонадежным, я женился. Моя нынешняя жена была тогда совсем девочкой, чуть ли не вдвое моложе меня. Читать и писать выучилась только после рождения второго ребенка, но для режима Хомейни это было нормальным явлением. При нем девочек выдавали замуж и в десять лет. Только после его смерти женщины получили право на образование и стали выходить замуж более взрослыми. Конечно, к жене я никогда не испытывал тех чувств, что испытывал до революции к Эке. До встречи с тобой я, признаться, и не надеялся, что когда-нибудь испытаю что-то подобное снова. Хотя ты и мусульманка, но совсем другая. Не такая, как те, которых я знаю. Наверное, это оттого, что ты родилась во Франции... Так что ты решила насчет нашего брака? – Коричневые с золотым отливом глаза впились в зрачки Джин.

– Пока ничего, – отвела она взгляд. – У меня еще не было времени подумать об этом.

– Ты уже второй раз уходишь от ответа. Скажи честно: ты связана какими-то обязательствами в Эль-Куте? В Женеве?

– Ничем и ни с кем я не связана, – мягко отстранилась от него Джин. – И никого кроме двоюродного брата Ахмета и его семьи в Эль-Куте у меня нет.

– Что же тебя останавливает?! – Шахриар снова привлек её к себе. – Я договорился с муллой, он заключит союз между нами, как только мы к нему придем. На месяц, на год – как ты пожелаешь. Хотя самому мне хочется, чтобы до конца жизни. Моей или твоей.

– Я же говорила тебе, Шахриар, – ласково провела она кончиками пальцев по его смуглой щеке, – что не смогу остаться здесь. Мне не разрешат. Я должна буду покинуть Иран вместе с миссией.

– Поэтому я и предлагаю тебе временный брак, – произнес Лахути с обидой в голосе. – А если бы имел хоть малейшую надежду, что ты останешься навсегда, давно бы и не задумываясь подал на развод. Несмотря даже на весьма значительную сумму, которую мне пришлось бы выплатить в этом случае жене. Но меня бы ничто не остановило. Ты мне веришь?

– Верю, Шахриар, – прижалась она головой к его плечу.

– Значит, не любишь.

Он отошел к окну, скрестил руки на груди, устремил взор вдаль.

Джин вернулась за стол к компьютеру, помолчала. Решив наконец прервать затянувшуюся паузу, негромко спросила:

– Как там наша подопечная Симин? Что говорит доктор Нассири?

– Ей намного лучше, – ответил Шахриар, не оборачиваясь. – Присутствие ребенка удвоило её силы, и теперь она с вдохновением борется за жизнь, ежеминутно благодаря Аллаха за чудесное спасение их с сыном жизнью. Доктор Нассири считает, что повторную операцию можно будет провести на следующей неделе.

– Наверное, он прав. Я посмотрю её завтра утром.

– Доктор просит тебя посмотреть также одного его друга. Тот работает на секретном объекте, и у него неожиданно начала развиваться очень странная болезнь. Нассири хочет знать твое мнение. Ты знаешь, что иностранным врачам строжайше запрещено обследовать наших сотрудников, да еще и секретных, но доктор попросил меня добиться разрешения. Я пообещал.

– Спасибо. Если получишь разрешение, я сделаю всё, что в моих силах.

Лахути отвернулся от окна, подошел к Джин, развернул к себе.

– Пойдем к мулле, – попросил умоляюще. – Прямо сейчас! Я не хочу уходить от тебя.

– Я тоже не хочу, чтобы ты уходил, – прислонилась она лбом к его плечу. – Но для этого совсем не нужно идти к мулле. Легче сразу пойти в мою спальню. Это гораздо ближе.

– Но... – он явно растерялся, – я не хотел оскорбить тебя. К тому же...

– Я знаю, что внебрачные связи караются законом, – перебила его Джин. – Но только в случае, если о них кто-то узнает или если одна из сторон захочет наказать другую. Ни мне, ни тебе, как я понимаю, этого не нужно. Мы просто любим друг друга, и всё. И здесь, в миссии Красного Креста, мы свободны так же, как были бы свободны в Женеве. На территории миссии законы шариата не действуют, здесь всё подчиняется швейцарским законам. А согласно им любовь, при взаимности чувств и обоюдном желании, не возбраняется. Так зачем нам тратить время на муллу? Ночь коротка. К тому же меня в любой момент могут вызвать к больному, а тебя – на службу. Да и мулла пусть выпится, ему ведь начинать читать молитвы с восходом солнца...

* * *

Белая голубка опустилась на подоконник и принялась расхаживать взад-вперед на фоне розовеющих в рассветной дымке холмов. Джин отбросила волосы с лица – голубка стукнула клювом о стекло, точно подзывая её. Осторожно выпростав руку из-под головы спящего Шахриара, Джин встала, пригладила темные, подернутые на висках сединой волосы. Накинула на обнаженное тело

вышитое медальонами атласное покрывало, подошла к окну. Голубка, нахохлившись и слегка приоткрыв клюв, смотрела на нее неподвижными поблескивающими глазками, похожими на драгоценные бусинки.

– Привет. – Джин приложила руку к стеклу, голубка не шевельнулась. – Ты хочешь сказать, что пора встречать новый день? – Приоткрыла окно. На минарете мечети уже голосил муэдзин, призывающий мусульман к молитве. – Подожди, сейчас принесу тебе хлеба. Или что-нибудь повкуснее...

Джин вернулась к постели. Шахриар спал, вольно раскинувшись, его смуглое лицо, обрамленное черной, аккуратно остриженной бородой, выражало умиротворение, на губах застыла улыбка. Сдернув с себя покрывало, Джин накрыла им Шахриара, надела халат и направилась в соседнюю комнату. Отломив кусочек пирожного от так и не тронутого угощения Марьям, задержалась у картины Рафаэля, провисевшей всю ночь на экране невыключенного компьютера. Задумалась: найдет ли она когда-нибудь оправдание своему добровольному решению изменить Майку, даже если никогда не придется объяснять ему этот поступок? А себе самой она сможет его объяснить? Неужели только тем, что, изображая здесь, в Иране, молодую вдову из Эль-Кута, ей нельзя вести себя как настоящей Джин Роджерс-Фостер, влюбленной в своего американского мужа и в действительности не желающей никого кроме него? Да, она должна забыть о себе как об американке и доиграть роль до конца, чтобы выполнить задание Дэвида. Ведь иракская вдова, отвергающая ухаживания капитана иранской стражи и его предложение сочетаться браком по всем правилам шариата, выглядела бы странно, а значит, и подозрительно. Её необоснованный отказ мог вызвать у капитана Лахути закономерное раздражение, которое, в свою очередь, было чревато для Джин нежелательными последствиями. А что касается собственных терзаний и угрызений совести, то это всего лишь досадные издержки большой и серьезной игры, в которой всё по-взрослому. Порой даже слишком по-взрослому...

Плотнее запахнув халат, Джин вернулась к голубке и покрошила пирожное на подоконник. Птица бодро принялась клевать щедрое угощение. За спиной чуть слышно скрипнула пружина. Джин оглянулась: Шахриар сидел на кровати, откровенно любуясь ею.

– Тебе не надо торопиться на молитву? – спросила она, добавив голубке крошек.

– Надо, – кивнул он. – Но я не пойду.

– Решил пропустить?

– Да. В душе ведь я всё равно остался зороастрийцем и персом, арабом так и не стал. И родная зороастрийская религия, как и культура, мне по-прежнему ближе.

– В Корпусе стражей исламской революции разрешают служить с такими убеждениями?

Он встал, начал одеваться.

– А о них никто кроме тебя не знает. Даже моя жена. Впрочем, она вообще мало что обо мне знает. Тебе же я почему-то могу признаться. Ислам, хомейнизм – это для меня всего лишь компромисс. В двадцать лет уже невозможно изменить себя коренным образом, можно только пойти на сделку с собственной совестью. Многие века мои предки верили в пророка Заратустру, а теперь исламисты называют их габарами, неверными, и всячески притесняют. Однако я верю, что со временем всё вернется на круги своя. Гнет не может быть вечным.

«Контрразведчик всегда остается контрразведчиком, – думала между тем Джин. – Даже если Лахути меня и впрямь любит, то всё равно помнит, что я иностранка. А значит, и о долге службы не забывает. Так что его слова могут быть как вполне искренними, так и насквозь лживыми». В душе почему-то хотелось ему верить. Во всяком случае искренность его чувств по отношению к ней во время самозабвенно проведенной совместной ночи сомнений у Джин не вызывала. В каждом его поцелуе, в каждой ласке она чувствовала сердечное тепло и непритворные душевные порывы.

– Почему ты говоришь об этом мне? – Джин внимательно посмотрела на него.

– Потому что верю тебе, – он застегнул ремень, – и надеюсь, что не донесешь на меня властям. И еще потому, что хочу быть честным с тобой. Для меня это важно, поверь. Однако мне пора уходить, прости. – Шахриар приблизился, нежно обнял Джин, с чувством вдохнул запах её волос. – Увидимся у Нассири.

– Хорошо, – обвила она руки вокруг его шеи.

Он наклонился, поцеловал её в губы. Голубка, поцокав на прощание лапками, расправила крылья, вспорхнула с подоконника и улетела. Джин проводила её взглядом.

– Это Аллах посылал её проверить, как мы встретимся сегодня утром, – шепнула Шахриару.

– Думаю, он остался доволен, Шир-зан, – ответил он тоже тихо.

– Что?! – недоуменно посмотрела она на него. – Ты назвал меня львицей? Извини, я не очень хорошо знаю фарси...

– Ты не ошиблась, – улыбнулся Шахриар, – Шир-зан переводится с фарси как «львица». Но древние персы называли так еще и красивых гордых женщин. Таких как ты.

– Шир-зан... – нараспев повторила Джин. – Красиво звучит. Мне нравится.

– Во Франции ты тоже носила хиджаб? – неожиданно спросил он.

– Нет, – отрицательно покачала она головой. – Я же говорила тебе, что ради своего первого мужа Пьера приняла христианство. Поэтому могла позволить себе одеваться как француженка.

– Да, в хиджабе ты выглядишь совсем другим человеком.

– И в какой же одежде я нравлюсь тебе больше? – лукаво поинтересовалась Джин.

– Без одежды, – ответил он прямо. – Или, на крайний случай, в халате, который на тебе сейчас. – Взглянул на часы. – Пора.

– До встречи, – отстранилась она.

У Шахриара зазвонил мобильник.

– Капитан Лахути слушает, – ответил он на звонок, направляясь к выходу. – Да, Сухраб, я помню о твоей просьбе. – Джин поняла, что звонит доктор Нассири. – Постараюсь решить безотлагательно. Да, с доктором Байян тоже переговорил... – У порога оглянулся на Джин, она помахала ему рукой. – Да, она согласилась посмотреть твоего больного. Ты все-таки думаешь, что его отравили намеренно?.. Ну хорошо, как только получу разрешение, я сразу привезу её...

Шахриар вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. Джин подошла к окну, посмотрела, как он садится в машину.

– Доброе утро, ханум, – заглянула в комнату Марьям. – Вам понравились сладости моего брата?

– Да, Марьям, передай ему спасибо. Всё было очень вкусно, – машинально проговорила Джин, поворачиваясь к помощнице.

– Но вы почти ничего не попробовали! – разочарованно указала та на поднос. – И даже кофе не допили.

– Не огорчайся, – виновато улыбнулась Джин. – Если приготовишь сейчас горячий кофе, мы расправимся с подарком твоего брата вдвоем. Согласна?

Широкие черные брови Марьям, никогда не знавшие забот косметолога (запрещено шариатом), приподнялись, щеки украсились ямочками. Казалось, что завтрак с госпожой – верх её мечтаний.

– Сейчас приготовлю, ханум! Быстрее ветра, ханум, даже не сомневайтесь! – Марьям исчезла за дверью.

Джин вернулась в спальню. Смятые простыни еще хранили тепло их с Шахриаром тел, жар их ночной любви. Застелив постель и сбросив халат, она облачилась в темное мусульманское одеяние. Подошла к зеркалу (тоже, по шариатским меркам, совершенно ненужной для женщин роскоши): действительно, совсем другой человек. Вряд ли в таком одеянии её узнали бы товарищи по службе, Мэгги Долански, например. А дома? Ну, дома бы просто испугались, особенно тетя Джилл. Однако ничего не поделаешь: таковы правила игры, и надо продолжать играть свою роль, какие бы неприятности и непривычки ни были с ней сопряжены.

Повязывая перед зеркалом платок, Джин вспомнила об услышанных обрывках разговора Шахриара с Нассири. Итак, Нассири хочет, чтобы она посмотрела больного, страдающего, судя по всему, радиационным заражением. А что, если этот человек как-то связан с объектом «Роза»? Тогда он мог бы послужить очень ценной ниточкой к выполнению её задания...

«Шахриар сказал, что друг доктора Нассири работает на секретном объекте, – размышляла Джин, завязывая концы платка. – Значит, не исключено, что он пострадал от вызванной землетрясением на этом объекте аварии, повлекшей за собой выброс радиации. А последнее землетрясение, как известно, произошло примерно в семидесяти километрах от Исфахана, зацепив и горные районы. Но для повреждения атомного объекта подземные толчки должны быть весьма ощутимыми, порядка 7–8 баллов: колебания меньшей силы для таких объектов, как правило, не опасны, поскольку об их сейсмостойкости заботятся в первую очередь. Последнее же землетрясение, в 5,7 балла, скорее можно отнести к среднему. Тоже, безусловно, серьезному, но хорошо укрепленный объект вполне мог перед ним устоять. Если, конечно, этот объект не располагался в самом эпицентре землетрясения, где даже несильные толчки способны спровоцировать аварию. Так, и где у нас, интересно, наблюдался эпицентр последнего землетрясения?..»

Джин подошла к компьютеру и, пробежав стрелкой мыши по экрану, открыла статистические данные. «Очень интересно. Эпицентр находился там, где, по данным Дэвида, иранцы недавно установили зенитную батарею. То есть у предполагаемого объекта “Роза”. И если даже батарея и сам объект не пострадали, поскольку подземные толчки были невелики, утечка радиации вполне могла произойти. Либо, раз Нассири подозревает, что его друга отравили, кто-то намеренно допустил её, воспользовавшись природным катаклизмом. Но кто и зачем? Чтобы ответить на эти вопросы, остается надеяться лишь на то, что Лахути сможет добиться для меня разрешения осмотреть больного. Что ж, – невесело усмехнулась Джин, – ради этого, пожалуй, стоило изменить Майку с иранским капитаном. Ведь если бы я отказала Лахути вчера, еще неизвестно, как бы он повел себя по отношению ко мне сегодня. Вполне возможно, попросил бы даже перевода в другую спасательную команду, чтобы больше со мной не встречаться. И кого бы тогда вместо него прислали? Убежденного хомейниста, у которого не было студенческого прошлого, возлюбленной танцовщицы Эке и сожалений о прежней жизни? То есть, проще говоря, фанатика, слепо верящего нынешней власти. Нет, такой персонаж не только осложнил бы мне жизнь, но и всю мою

шпионскую деятельность мог бы свести к нулю. Так что небольшая уступка Шахриару, с которой всё еще не может смириться совесть, возможно, имеет гораздо большее значение, нежели вынужденное романтическое приключение...»

– Я принесла кофе, ханум, – прервала размышления Джин помощница, подходя к столу с подносом, на котором, источая аромат свежесваренного кофе, стоял пузатый кофейник с узким носом. – Можно, я возьму кусочек нуги, ханум? – смешно наморщила она носик.

– Конечно, Марьям. Бери, сколько хочешь, – кивнула Джин, закрыв файл со статистикой землетрясений.

На темно-голубом фоне монитора снова высветилась картина Рафаэля.

– Какая интересная картинка, – уселась в кресло напротив Марьям, разлив кофе по чашкам. – А кто этот человек с колючей проволокой на голове? Он мертвый, да? Его убили? – Она засунула в рот кусок нуги с орехами.

– Это Иисус, – пояснила Джин и взяла свою чашку. – В Коране его называют «пророк Иса». Ты должна была читать о нем в школе. И на голове у него не колючая проволока, – улыбнулась она, – а ветка терновника, терновый венец. Такой венец надевали на голову всем, кого вели на распятие. Смертникам, как теперь сказали бы. Иисуса распяли на кресте давно, задолго до появления Магомета. А на этой картине его ученики, последователи, снимают тело Исы с креста, чтобы предать земле.

– Да, я вспомнила, нам читали об этом. – Марьям отхлебнула кофе, засунула в рот еще один кусок нуги, прищелкнула языком от удовольствия. – Очень вкусно, ханум, попробуйте. – И вернулась к обсуждению картины: – Но я никогда не думала, что Иса выглядел именно так. В наших книжках не было рисунков. Теперь буду знать. И расскажу отцу. Он часто читает Коран, ему будет интересно. А кто нарисовал эту картинку? Тот, кто был там же, рядом с Исой, и всё видел? А потом эту картинку перенесли на компьютер, да?

– Да, отсканировали репродукцию и перенесли на компьютер, – снова улыбнулась Джин. – Но на самом деле это не картинка, а великая картина величайшего мастера, одного из самых великих на земле за всю историю её

существования...

– Он тоже был учеником Исы? – перестав жевать, Марьям теперь неотрывно смотрела на Джин.

– В какой-то мере да, ведь всё великое в нашем мире не обходится без божьей искры. И все великие мастера живописи, музыки, литературы – люди посвященные, это совершенно точно. Автор этой картины – итальянец Рафаэль Санти. Конечно же, он не присутствовал при казни Христа, поскольку родился много позже. Но, прочитав о сцене распятия в Библии, такой же священной книге как Коран, смог представить, как всё происходило, и запечатлеть это на холсте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gaven_mihel/roza-isfahana

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)